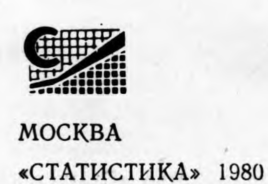
В. В. Бойко Boiko, V. V.

МАЛОДЕТНАЯ СЕМЬЯ

Malodetnaia sem'ia

(Социально-психологическое исследование)

МОСКВА
«СТАТИСТИКА» 1980

ББК 60.7
Б77

Бойко В. В.

Б77 Малодетная семья: Социально-психологическое исследование. — М.: Статистика, 1980. — 231 с.
80 к.

Книга посвящена актуальной проблеме — уменьшению рождаемости в крупных городах страны. Для характеристики демографической ситуации в крупных городах, в частности в Ленинграде, автор привлекает данные официальной статистики и социально-психологических обследований населения, проведенных в Ленинграде в 1973—1974 гг. и в 1977 г. В работе рассматриваются потребность в детях в разных планах: эмоциональное, практическое отношение к детям, преодоление трудностей воспитания и ухода за детьми.

Для социологов, демографов и других специалистов, интересующихся проблемами семьи и брака.

Б $\frac{10805-067}{008(01)-80}$ 49—80 0703000000 ББК 60.7 312

ВВЕДЕНИЕ

Социальная психология делает первые шаги в изучении сложных и актуальных проблем народонаселения. Во всяком случае читатель, взяв эту книгу, вряд ли скажет, что обозначенная на ее титульном листе тема избита, хорошо понята. Ее нельзя исчерпать в одном или нескольких исследованиях. Ведь речь идет о сложных обстоятельствах, мотивах, потребностях, побудивших значительную часть современников свести до минимума оставляемое после себя количество жизней. Как трудно объяснить это привычными мерками благополучия, сознания, гуманизма, представлениями о счастье.

Репродуктивное поведение большинства людей не всегда можно объяснить исходя из очевидного. Резко улучшились условия жизни. Сознание людей поднялось на новые ступени. Ярко выражена гуманность в отношениях человека к человеку (речь идет о населении социалистической части мира, где дети пользуются всеми привилегиями и всеобщей любовью). И вот на этом фоне колоссальных достижений человечества опрокинуты вековые традиции многодетности. Семья становится чаще всего одно-двухдетной. Есть какой-то парадокс в этом очевидном явлении, объяснимый только психологией человека. Б. Ц. Урланис писал по этому поводу: «... сумма миллионов волеизъявлений родителей определяет в конечном счете число родившихся в стране»[1].

Социально-психологический механизм снижения числа детей в семье представляется нам как особого рода приспособление человека к современным условиям жизни. Каков смысл такого вида адаптации? Насколько устойчива тенденция снижения рождаемости, если принимать во внимание перспективы развития общества, повышение материального благосостояния семьи, психологию людей недалекого будущего? Чем объяснить тот

---

[1] *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 73.

тех или иных респондентов. Идеально было бы определить место, роль, значимость детей одновременно в нескольких семантических контекстах, что характеризовало бы их на фоне различных проблем, интересов индивида, этапов его жизнедеятельности.

Во-вторых, ценности, включаемые в единый смысловой контекст, должны быть примерно одинаковой значимости, т. е. должны удовлетворять основные потребности личности в рамках выбранного понятия, жизненной ситуации и т. д. Например, вряд ли уместно в контексте рассуждений о счастливой семейной жизни, наряду с основными ценностями, такими, как материальное благополучие, взаимопонимание супругов, дети и т. п., предлагать респондентам второстепенные или специфические ценности: дачу, телефон, квартиру в центре города и т. п.

В качестве смыслового контекста для определения потребности в детях нами было выбрано понятие «семейное счастье». Респонденты отвечали на вопрос: «Что в принципе, по Вашему мнению, нужно для счастливой семейной жизни?» Выбор такого контекста не случаен. Представления о счастливой семейной жизни — сложнейший продукт воззрений, ценностей, материальных и духовных потребностей, отношений и мироощущений личности, с одной стороны, и своего рода психологическая проекция в сознании и подсознании человека опыта поколений и прогрессивных общественных идеалов — с другой.

Квинтэссенция индивидуального и общественного в понятии «семейное счастье» определяет различие личностей и своеобразие их побудительных мотивов в достижении, если не идеала, то приемлемого в обществе стандарта семьи. В сознании индивида актуализируются семейные ценности, интересы, мотивы деятельности, возникшие на основе его материальных и духовных потребностей, потенциалов — эмоционального, интеллектуального, творческого и др. В этом смысле понятие «счастливая семейная жизнь» включает в себя элементы индивидуального самосознания, которые становятся интерогенными (берущими начало из внутренних потенций индивида) побудительными мотивами поведения и ориентации на конкретные показатели, условия, при которых возможно, по мнению человека, семейное счастье.

В поведении и мыслях личности находят также отражение нравственные, этические, религиозные, политические, образцовые в обществе стандарты отношения к действительности, т. е. элементы общественного нравственного сознания. Они становятся экстерогенными (берущими начало в окружающей действительности) побудителями представлений о семейном счастье.

В таком синтезе личного и общественного в представлениях о счастье проявляется качественная специфика семьи как социального института. Оставаясь связанной нерасторжимыми узами с обществом, следуя его образцам и нормам, выступая субъектом различных общественных отношений, семья в то же время основывается в своей деятельности на привычках и мнениях брачных партнеров, имеет неповторимое сочетание многогранных житейских проблем.

Как одна из форм моральных отношений «счастье» относится к группе вторичных идеологических отношений, таких, «...которые, прежде чем им сложиться, проходят через сознание людей...»[1]. То же относится и к понятию «семейное счастье». С другой стороны, представления о семейном счастье складываются не независимо от воли и сознания людей, но как результат осознания тех или иных условий жизни. Они как любая моральная категория могут возникать, лишь когда человек оказывается способным осуществлять свободный выбор в реализации своих намерений, оценивать возможные варианты поведения[2].

«Семейное счастье» — категория социально-психологическая в том смысле, что формирование представления о нем есть общественный процесс. Человек познает себя, вглядываясь, как в зеркало, в другого человека. В становлении норм семейной жизни существенно то, что человек имеет возможность рассмотреть, понять, оценить состояние других семей, близких по стилю жизни. В различных системах жизнедеятельности формируется не только представление об оценках других семей, но и потребность уподобляться лучшим из них (естественно, качественная оценка этих лучших семей носит субъективный характер).

Именно на основе этой потребности конструируются представления об условиях счастливой семейной жизни:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 137.

[2] См.: *Рыбакова Н. В.* Моральные отношения и их структура. Л., 1974, с. 17.

все лучшее в других семьях желательно для индивида в его семье. Социально-психологическое содержание категории «семейное счастье» заключается также в том, что (наряду с прочими моральными нормами, взглядами, идеалами) представления о семейном счастье воздействуют на существующую практику, ориентируют человека в окружающем мире. На этом основании, например, в проведенном нами обследовании была высказана гипотеза о взаимосвязи представлений о семейном счастье с демографическим поведением личности, о влиянии этих представлений на число рождаемых и планируемых детей в семье.

Абстрактному понятию «семейное счастье» соответствуют чувственно-эмоциональные элементы жизнедеятельности, общения людей, конкретные формы супружеских отношений, условия существования семьи, потребности и цели деятельности личности. В этом смысле семейное счастье имеет вещную, предметную основу. Руководствуясь этим положением, мы попытались определить сферы жизнедеятельности современного человека, имеющие непосредственное отношение к семье, взаимодействию супругов, самочувствию личности, а затем исходя из них наметить круг условий, которые вероятнее всего могут стать эмпирическими индикаторами (предметными выразителями) понятия «семейная счастливая жизнь».

В результате вероятные условия счастливой семейной жизни логически разделились на три группы: *материальные условия* — отдельная квартира и материальное благополучие; *семейные условия* — взаимопонимание супругов, дети, уверенность в прочности брака, интересный досуг в семье; *внесемейные условия,* среди которых в свою очередь можно выделить: а) условия статуса и престижа — интересная работа, желаемое образование, хорошее положение на работе и б) условия независимого существования супругов — круг друзей, самостоятельность действий. Респондентам предлагалось указать два-три из перечисленных условий, необходимых для семейного счастья.

Данные обследования показали, что условия материального характера (отдельная квартира и материальное благополучие) значительно преобладают в представлениях мужчин (49,3% в среднем выбора этих условий) и женщин (44,7% в среднем) по сравнению с другими группами условий семейного и внесемейного плана. Семейные условия в свою очередь указываются всеми опрошенными значительно чаще, чем условия внесемейные (в среднем они составили 30,4 и 17,1% выбора к числу опрошенных). Среди условий внесемейного плана несколько большую роль в счастливой семейной жизни, по мнению всех опрошенных, играют статусные и престижные по сравнению с условиями независимого существования супругов.

Таблица 5

Предпочтения условий счастливой семейной жизни
(в % к числу опрошенных)

Условия	Все	В том числе: мужчины	В том числе: женщины	Значимость различия в ответах мужчин и женщин — t*
Отдельная квартира	47,4	49,3	45,5	2,26
Материальное благополучие	46,6	49,3	44,0	2,54
Взаимопонимание	50,4	44,1	56,7	7,34
Дети	42,3	37,5	47,2	5,88
Уверенность в прочности брака	17,0	14,2	19,9	3,82
Интересный досуг в семье	12,0	9,9	14,1	4,27
Интересная работа	32,3	32,2	32,3	0,04
Желаемое образование	12,8	12,7	12,8	0,05
Хорошее положение на работе	12,4	14,6	10,3	3,42
Круг друзей	14,6	14,8	14,4	0,11
Свобода действий, самостоятельность	13,4	16,6	10,3	5,94

* При разнице t — коэффициента Стьюдента — не менее 2,0 различия значимы на уровне 0,05; при разнице более 2,6 — 0,01; при разнице 3,3 — 0,001.

Несколько иная последовательность условий и картина мнений мужчин и женщин обнаруживается при анализе роли *каждого отдельно взятого условия,* не объединенного в ту или иную логическую группу (табл. 5). На первом месте среди условий счастливой семейной жизни, по мнению всех опрошенных, оказывается взаимопонимание — 50,4% выбора к числу опрошенных, на втором — сразу два фактора — отдельная квартира и материальное благополучие (соответственно 47,4 и 46,6% выбора), на третьем — дети (42,3% выбора). Эти условия близки по своему процентному показателю и объединяются логически — все они составляют как бы базу счастливой семейной жизни. В такой последовательности суждений легко усмотреть здравый житейский смысл.

Указанные условия можно объединить понятием «базовые». На четвертом месте — фактор «интересная работа» — 32,3%. Это условие несколько обособлено: по своему процентному выражению оно статистически значительно менее важно любого «базового» условия счастливой семейной жизни и значительно более важно, чем все прочие условия, отмеченные респондентами. Такое положение фактора «интересная работа» среди остальных условий счастливой семейной жизни, бесспорно, указывает на его особую роль.

Пятое место среди условий счастливой семейной жизни заняла уверенность в прочности брака (17% к числу опрошенных). Доля этого фактора значительно меньше, чем всех предыдущих, включая интересную работу, и несколько больше, чем доля таких факторов, как круг друзей (14,6%), свобода, самостоятельность (13,4%), желаемое образование (12,8%), хорошее положение на работе (12,4%), интересный досуг в семье (12%). Эту группу факторов можно объединить под названием «факторы притязательного характера».

Итак, группировки условий счастливой семейной жизни, полученные в результате эмпирического исследования и статистической обработки, оказались в значительной мере отличными от первоначальных логических группировок. Теоретически, как помнит читатель, нами были обозначены три группы условий — материальные, семейные и внесемейные (в том числе статусные, престижные и независимого существования супругов). Фактически же получились четыре группы условий (в порядке их значимости для семейного счастья): *базовые* условия — взаимопонимание супругов, отдельная квартира, материальное благополучие, дети (средний процент выборов условий этой группы к числу опрошенных 46,6%); *интересная работа* (32,3%); *уверенность в прочности брака* (17,0%); условия *притязательного характера* — друзья, самостоятельность, образование, положение на работе, досуг в семье (13%). Различия между этими группами условий статистически значимые, что и послужило критерием их разграничения по группам.

Сколь типичны представления ленинградцев о семейном счастье? Ответить на вопрос помогают итоги исследований, проведенных в Минске. Правда, проблема здесь была поставлена в несколько иной плоскости — изучалось отношение к детям в системе ценностных ориентаций. Несколько различались ценности, предложенные респондентам для размышления. Однако совпадение результатов опроса ленинградцев и минчан не вызывает сомнения в том, что в обоих случаях дети «конкурируют» с прочими потребностями личности. На первом месте у молодежи Минска оказалась супружеская верность, затем денежный достаток, на третьем месте — отдельная квартира, далее — наличие детей, согласие в организации быта, совместное проведение досуга[1].

Теперь рассмотрим различия мнений об отдельных условиях семейного счастья у мужчин и женщин. По результатам наших обследований оказалось, что взгляды мужчин и женщин в значительной степени совпадают (показатель ранговой корреляции Спирмена 0,72 при $p=0{,}01$). Имеющиеся различия касаются лишь некоторых условий. Так, по мнению мужчин, первостепенное и равное значение для семейного счастья имеет материальное благополучие и отдельная квартира (49,3% выбора обоих условий), на втором месте взаимопонимание (44,1%), затем дети (37,5%). Причем роль детей среди первостепенных условий счастливой семейной жизни статистически менее значима по сравнению с факторами «квартира», «взаимопонимание». Женщины на первое место среди условий счастливой семейной жизни ставят взаимопонимание (56,7% — разница с оценкой данного условия мужчинами статистически значимая), затем детей (47,2% — разница с оценкой мужчинами значимая). На третьем месте у них два фактора: отдельная квартира и материальное благополучие (в среднем 44,7% — разница с мужчинами незначимая). Процентное выражение фактора «взаимопонимание» у женщин статистически значительно больше по сравнению с другими условиями, названными женщинами.

Четвертое место у мужчин и женщин занимает интересная работа при отсутствии статистической разницы, что свидетельствует о равном значении данного условия для тех и других. В оценке прочих условий счастливой семейной жизни во мнениях мужчин и женщин принци-

[1] См.: *Птиха Н. Н.* Отношение к детям в системе ценностных ориентаций. — В кн.: Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе. Кострома, 1973, вып. I, с. 75—76.

циальной разницы нет. Женщины несколько чаще указывают прочность брака, интересный досуг в семье. Мужчины чаще предпочитают свободу действий, самостоятельность, хорошее положение на работе. По этим пунктам семейного счастья, видимо, еще имеют место разногласия, но они невелики и существенной роли в отношениях полов играть не могут.

Рассмотрим различия в зависимости от социальной принадлежности опрошенных. Наименьшую оценку фактору *«взаимопонимание»* дают группы, не имеющие высшего образования, — работники сферы обслуживания (38% к числу опрошенных в группе), неквалифицированные и квалифицированные рабочие (44% в каждой группе), статистически более значимо ориентированы на это условие по сравнению со средней оценкой для всех групп студенты (66,2%), инженерно-технические работники (58,5%), преподаватели вузов и техникумов (57,8%). Не отличается от средней тенденции ориентация учителей и врачей, творческих работников и домашних хозяек.

Если же сравнивать, как оценивают условие «взаимопонимание» мужчины и женщины из разных профессиональных групп, то надо отметить, что все женщины выбирают это условие в 1,3—1,6 раза чаще по сравнению с мужчинами, за исключением квалифицированных рабочих, учителей и врачей, где в ответах мужчин и женщин разница незначительна.

Детей как условие семейного счастья значительно выше среднего по всем группам оценивают рабочие неквалифицированного труда (49,5%) и преподаватели вузов и техникумов (49,1%). Более низкую оценку дают студенты (34,8%) и работники сферы обслуживания (35,8%). У остальных групп оценка детей близка к средней для всех опрошенных. Принадлежность мужчин и женщин к социально-профессиональной группе при оценке данного условия роли не играет.

Чем же обусловлено то обстоятельство, что только 42,8% опрошенных считают детей условием семейного счастья, а для студентов и служащих со специальным образованием эта доля оказалась еще меньше. Что думает человек, указывая или не выбирая детей в качестве условия семейного счастья?

Может быть, для некоторых респондентов семья вообще не мыслима без детей: независимо от того, счастлива она или нет, дети разумеются сами собой? В этом случае отвечающий действительно мог не отметить наличие детей как условие семейного счастья, считая их обязательным атрибутом супружеской жизни. Однако вопрос в анкете задан не о семье вообще, но о счастливой семье. Вряд ли стоит думать, что значительное число респондентов при ответе на вопрос подменили контекст рассуждений и имели в виду семью вообще, которую действительно трудно представить без детей, а не семью счастливую, которая становится таковой при наличии или отсутствии определенных условий, включая и детей.

Пожалуй, обьясняя полученные данные, следует отказаться от предположения, что дети для всех являются первостепенным условием семейного счастья. Менее половины обследованных разделяют этот оптимизм, остальные вынесли детей за скобки семейного счастья. Дети «конкурируют» с целым рядом материальных и духовных факторов и отнюдь не для всех являются особой ценностью, хотя это не исключает того, что семья вообще предполагает наличие детей. Причем, согласно данным для социально-профессиональных групп, выбор детей в качестве условия семейного счастья находится в некоторой отрицательной связи с идеальным числом детей в семье (коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен −0,42) и желаемым числом (−0,15). Незначительная положительная связь выбора детей в качестве условия семейного счастья с их реальным числом в семье (0,30) и довольно высокая — с планируемым числом детей в семье (0,68).

Уверенность в прочности брака как условия семейного счастья отмечают 17% опрошенных. Мнения большинства социально-профессиональных групп близки к средней тенденции ответов по всему массиву опрошенных. Значимо выше оценка этого условия лишь у домохозяек (22,5%). Как видим, стабильность семьи, вероятность развода (а именно это обстоятельство вытекает из условия «уверенность в прочности брака») не связываются у большинства с представлениями о семейном счастье. Это психологически понятно: семья может быть прочной, но не быть счастливой. Например, супруги не намерены разводиться (удерживают дети, общее хозяйство, меркантильные расчеты и прочее), но их жизнь лишена радости, взаимопонимания, покоя. Иное дело

положение женщины-домохозяйки. Она временно или постоянно не работает, материально зависит от мужа. Видимо, это объясняет то, что домашние хозяйки в большей степени, чем остальные, видят в прочном браке залог семейного счастья.

Уверенность в прочности брака как одного из условий счастливой семейной жизни чаще (на 4—14%) отмечают женщины из тех или иных групп, чем мужчины. Более существенные различия находим в группах рабочих неквалифицированного и квалифицированного труда, работников сферы обслуживания, ИТР и творческих работников.

Интересный досуг в семье значительно важнее в представлениях о семейном счастье лишь для домашних хозяек по сравнению с другими группами (20,1%). Представляется, что последнее обстоятельство можно объяснить тем, что основные жизненные заботы домашней хозяйки ограничены семьей. Интересный досуг в семье чаще выбирают женщины, а не мужчины, но статистически значимо лишь из числа служащих госучреждений и студентов (разница с мужчинами 10—14%).

Пока были рассмотрены отдельные условия, что еще не дает достаточной информации о месте детей в *структуре* представлений о семейном счастье у различных социально-профессиональных групп.

Структура представлений о семейном счастье в нашем исследовании отражает: а) последовательность условий семейного счастья (ранги по убывающим величинам процентных показателей) в ответах респондентов; б) число группировок условий семейного счастья, статистически значимо различающихся по своему среднему процентному показателю и составленных из условий с близким процентным выражением; в) степень связи между отдельными статистически различающимися группировками условий счастливой семейной жизни. В отдельные группировки объединены условия, получившие равные или близкие проценты выборов (различия не превышают 6,5%). Если различия в процентах выборов каких-либо условий семейного счастья свыше 6,5%, то эти условия попадают в разные группировки, причем, чем больше различия, тем больше отстоят группировки друг от друга.

Число полученных группировок условий у различных социально-профессиональных групп неодинаково. Это, на

наш взгляд, свидетельствует о том, что представления о семейном счастье в сознании тех или иных групп опрошенных дифференцируются более или менее отчетливо. Очевидно, чем больше число самостоятельных группировок условий насчитываем в ответах опрошенных, тем больше смыслового различия придают они отдельным условиям, тем самостоятельнее эти условия. У работников творческих профессий, работников сферы обслуживания, учителей и врачей структура представлений об условиях счастливой семейной жизни включает всего по три группировки условий. Служащие госучреждений, рабочие квалифицированного и неквалифицированного труда, студенты, преподаватели вузов и техникумов указывают четыре группировки, а домохозяйки и инженерно-технические работники — пять.

Структуры представлений о семейном счастье у различных опрошенных групп можно условно разделить на три типа в зависимости от того, какие условия оказались у них в первой, центральной группировке, где объединяются наиболее значимые по частоте выборов условия семейного счастья. 1) *Материально-ориентированная* структура — в ней на первом месте одно из условий материального плана — отдельная квартира или материальное благополучие. Такая структура представлений о семейном счастье характерна, например, для работников сферы обслуживания и служащих госучреждений. 2) *Психологически-ориентированная* структура представлений — здесь доминирующее положение занимает взаимопонимание супругов. Структура характерна для инженерно-технических работников, учителей и врачей, преподавателей вузов и техникумов, домохозяек и студентов. 3) *Психологически и творчески-ориентированная* структура представлений. В ней главенствующую роль играют два условия разных планов: взаимопонимание и интересная работа. Такая структура представлений об условиях семейного счастья отмечена у творческих работников.

У всех социально-профессиональных групп опрошенных дети вошли во вторую группировку условий семейного счастья. Таким образом, ценность детей, если об этом судить на основе их положения в иерархии прочих условий семейного счастья (и только на основе иерархии), весьма высока и относительно одинакова для большинства социально-профессиональных групп. Однако число

и характер «конкурирующих» условий, т. е. условий, столь же важных для семейного счастья и потому вошедших в одну группировку с детьми, различны. Так, у преподавателей вузов и техникумов дети заняли второе самостоятельное место в структуре представлений об условиях семейного счастья и никакие иные условия «не конкурируют» с ними. У других групп опрошенных дети вошли в группировку близких по смыслу (одноплановых) условий семейного счастья наряду с взаимопониманием (рабочие неквалифицированного и квалифицированного труда, работники сферы обслуживания) либо в комбинации с такими условиями, как отдельная квартира, материальное благополучие и взаимопонимание (служащие госучреждений, инженерно-технические работники, творческие работники и домохозяйки).

В последние (третью, четвертую или пятую) группировки у всех социально-профессиональных групп опрошенных входят условия, которые создают возможность независимого существования супругов (круг друзей, свобода, самостоятельность), условия статуса и престижа личности (желаемое образование, хорошее положение на работе), а также такие условия, как уверенность в прочности брака и интересный досуг в семье. Ранговое место этих условий приблизительно одинаково у всех социально-профессиональных групп, хотя частота выборов несколько различается. В большинстве случаев последовательность условий счастливой жизни в зависимости от величины выборов(по рангам) у разных групп опрошенных идентичная, о чем свидетельствуют очень высокие показатели ранговой корреляции Спирмана (0,97—0,71).

Однако при внимательном рассмотрении структур оказывается, что социальная принадлежность все же накладывает заметный отпечаток на мнения. При весьма схожей *иерархии* выбранных условий структуры представлений о семейном счастье у социально-профессиональных групп отличаются *количеством группировок* взаимосвязанных условий, процентным выражением выборов одного и того же условия, *типом ориентации* всей системы представлений, что зависит от того, какие условия выдвинуты отвечающим на первый план — материально-бытовые, психологические или творческие. В итоге структура представлений о семейном счастье у многих групп отличается своеобразием, например у неквалифицированных рабочих, студентов, творческих работников, домашних хозяек.

Различные условия семейного счастья либо сохраняют, либо обретают большее или меньшее значение в зависимости от возраста опрошенных. Каждой возрастной группе присущи свои особенности. Сравнивая выборы условий семейного счастья различными возрастными группами, логично задать вопрос: в каком возрастном периоде происходит заметное изменение в их суждениях? Ответ можно получить с помощью ранговой корреляции. Как и следовало ожидать, близкие возрастные группы имеют весьма схожую иерархию условий семейного счастья, например группы до 20 лет и 21—24 года (0,94) или группы 35—39 лет и 45—49 лет (0,92). Больше всего различий у мужчин молодого и пожилого возраста, причем граница проходит в возрасте 35—39 лет. Иерархия ценностей счастливой семейной жизни имеет больше всего различий между возрастной группой до 20 лет, с одной стороны, и возрастными группами старше 35 лет — с другой. Очевидно, эти различия отражают в себе не только разницу, обусловленную возрастными особенностями респондентов, но и социально-экономическими, политическими факторами, пережитыми людьми разных поколений (война, годы восстановления народного хозяйства и др.), а также условиями воспитания и образования, которые в значительной степени изменились к лучшему для современной молодежи.

Совокупным влиянием причин можно объяснить и тот факт, что в зависимости от возраста мужчин значительно меняется оценка детей как условия счастливой семейной жизни (в иерархии условий они занимают от 3-го до 7-го места). Причем до 20 лет потребность у мужчин в детях значительно меньше, но постепенно с возрастом она повышается. В 30—44 года мужчины чаще склонны отмечать это условие, а в возрасте 44—49 лет роль детей вновь несколько уменьшается.

Взаимопониманию с супругой мужчины всех возрастов отводят довольно значимую роль среди условий семейного плана, ставя это условие на 2—3-е место. В возрасте 35—39 лет происходит некоторая переоценка этого условия — оно занимает 4-е место. Затем по мере увеличения возраста мужчин его значение вновь повышается и оно вновь занимает 2—3-е место в иерархии прочих условий. Наибольшее значение взаимопониманию

8 Заказ 1544

с супругой мужчины придают в возрасте 40—44 года, наименьшее — 30—34 года.

Почти не меняется с возрастом отношение к условию «уверенность в прочности брака»: оно чаще всего оказывается на 6—8-м месте, но в возрасте 30—34 года — на предпоследнем, 10-м месте. Мало привлекателен для мужчин как условие семейного счастья интересный досуг в семье — ему отводят 9—11-е место мужчины в различных возрастных группах.

В суждениях женщин о семейном счастье также можно отметить условия, значение которых не изменяется или изменяется с возрастом.

Условие «взаимопонимание» у женщин во всех возрастах на первом месте, за исключением женщин в возрасте 40—44 года, когда оно оказывается лишь на 4-м месте. Максимум выборов оно получает в 21—24 года.

Как условие счастливой семейной жизни дети оцениваются женщинами в зависимости от возраста поразному. Самое большое число голосов «за» отдают женщины в возрасте 45—49 лет, т. е. 2-е место среди прочих условий семейного счастья в этом возрасте, минимум — в возрасте 25—29 лет и 30—34 года — 3—4-е место.

Уверенность в прочности брака как условие семейного счастья чаще выбирается в возрасте до 20 лет — 5-е место. Затем процент выборов постепенно падает и становится минимальным в возрасте 35—39 лет.

Интересный досуг в семье, по мнению женщин всех возрастов, мало способствует счастью, ему отводится 7—9-е место среди всех условий.

Если у мужчин в отдельных возрастных группах имелись заметные различия в представлениях о семейном счастье, то ориентация женщин более стабильна. У женщин уже в молодом возрасте складываются определенные взгляды на семью и остаются в основном неизмененными на протяжении всей жизни. У женщин нет такого возрастного периода, который бы разграничивал одни убеждения от других. Об этом свидетельствуют высокие показатели ранговых корреляций между выбираемыми условиями семейного счастья в разных возрастах.

Степень идентичности суждений о семейном счастье мужчин и женщин разных возрастов можно увидеть с

помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Наибольшее сходство взглядов у представителей разного пола обнаруживаем у мужчин в возрасте 25—29 лет и у женщин в возрасте 40—44 года (0,87), у 40—44-летних мужчин и 45—49-летних женщин (0,85). Как видим, совпадение представлений наблюдается в определенных возрастах. Наибольшие различия в представлениях об условиях семейного счастья у мужчин до 20 лет и у женщин старше 30.

Во взаимоотношениях супругов, в частности в принятии решений об увеличении размеров семьи, определенную роль играет единство взглядов, касающихся тех или иных сторон семейной жизни. Причем у супругов могут быть определенные представления о мнении друг друга — согласованные или несогласованные с личной точкой зрения. Единство или различия во взглядах супругов могут иметь разные последствия для семейной жизни: укреплять ее или провоцировать напряжение, конфликты, ставить под угрозу брачный союз. С другой стороны, предположение о том, что думает брачный партнер по поводу счастливой семейной жизни, может стимулировать различный эмоциональный настрой супругов — чувство духовной близости, приятное переживание взаимно разделяемых ценностей или чувство духовного неудовлетворения позицией близкого человека, досаду, отчаяние и т. д.

Конструкция вопроса, касавшегося представлений об условиях семейного счастья, позволила выявить мнение не только респондента (женщины или мужчины), но также представление респондента о мнении супруга(и). Отвечавший при заполнении анкеты указывал, что среди условий семейного счастья важно для него лично и для брачного партнера.

Мужья не очень точно прогнозируют точки зрения жен (коэффициент корреляции Спирмена 0,43). Жены иначе оценивают условия семейного счастья, чем думают об этом мужья, по следующим пунктам (указываем статистически достоверные различия): материальное благополучие и отдельная квартира, хорошее положение на работе (оценка женщин ниже, чем думают мужья), интересная работа, свобода, самостоятельность, интересный досуг в семье (оценка жен выше). Мужья в своих мнениях о женах не ошиблись при оценке таких условий, как дети, уверенность в прочности

брака, круг друзей (здесь проценты выборов почти совпадают).

Теперь посмотрим, что думают жены о представлениях мужей об условиях семейного счастья. Оказывается, женщины очень ошибаются, делая выводы за мужей, и указывают иную последовательность условий семейного счастья по сравнению с той, которую указывают сами мужчины (коэффициент корреляции 0,1). При этом только четыре условия семейного счастья оценены женщинами примерно правильно — дети, уверенность в прочности брака, круг друзей, желаемое образование. Мужчины оценивают прочие условия не так, как думают об этом их жены. Наибольшая разница обнаружена в суждениях о взаимопонимании, хорошем положении на работе (мужья ниже оценивают эти факторы, чем предполагают их жены). Отличны мнения о материальном положении, отдельной квартире, свободе, самостоятельности (выше ценятся мужчинами). Таким образом, женщины хотя и стремятся понять психологию мужей, считая для них более важными, чем для себя, условия статусного и престижного характера, тем не менее их оценка не совпадает с мнениями мужей.

Итак, мы рассмотрели ценность детей на фоне условий семейного счастья, как его понимают жители современного крупного города. Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов социологического и социально-психологического содержания как в отношении потребности современника в детях, так и относительно представлений о семейном счастье вообще.

1. Понятие «семейное счастье» включает по представлениям современного человека достаточно широкий круг условий материального, семейного и внесемейного плана. Опрашиваемым предлагалось оценить одиннадцать условий, при наличии которых человек имеет возможность эффективно действовать в различных сферах своей жизнедеятельности — в семье, на производстве, в неформальном общении с другими людьми, проявить себя как личность и т. п. Ни одно из этих условий не было категорично отвергнуто общественным мнением. Это значит, что каждая из указанных сфер жизнедеятельности современного человека так или иначе связана с представлениями о семейном счастье.

Понятие «счастливая семейная жизнь» не ограничивается одним-двумя меркантильными факторами, не

сводится только к семейным заботам или отношениям супругов. Это дает основания считать, что представление о счастливой семейной жизни у большинства людей неотделимо от понятия полноценной, всесторонне развитой личности. Наш вывод подтверждается данными выборочных социологических исследований, проведенных в ряде крупных (Москва, Ленинград), средних (Пенза, Махачкала) и малых (Егорьевск, Дубна) городов и охвативших несколько тысяч женщин. На вопрос, с чем ассоциируется у них счастье, 96% женщин ответили: «С любимой профессией и семьей»[1]. В сложном многообразии условий, комплексно отражающих понятие «счастливая семейная жизнь», содержится фактическое доказательство того, что советская семья действительно является *ячейкой общества* в том смысле, что она отражает в своем идеале общественно ценные идеалы человеческих взаимоотношений, всесторонне и гармонически развитой личности.

2. В представлениях людей понятие «семейное счастье» не абстрактный набор символов, не перечень дальних перспектив, ценностей, оно «материализовано». Для семейного счастья, по мнению большинства, требуется: материальная основа, заложенная в практике общения супругов, — это выражается в необходимости взаимопонимания; материальная основа существования, в соответствии с чем опрошенные указывают на необходимость финансового достатка и хороших жилищных условий; материальная основа реализации брачных отношений супругов — рождение детей. В такой последовательности и «материализованности» суждений о семейном счастье легко увидеть, что изучаемая разновидность моральных отношений «существует не только как элемент сознания, но и как практическое отношение, как житейская практика»[2].

В свою очередь представления о счастливой семейной жизни всегда складываются на основании материальных общественных отношений, конкретных условий существования как производные от них. Как и любая моральная категория, категория общественных отноше-

---

[1] *Янкова З. А.* Советская женщина (социальный портрет). М., 1978, с. 82.

[2] *Шварцман К. А.* Теоретические проблемы этики. М., 1969, с. 21.

вида, направленным на удовлетворение потребности, очень много опосредствующих внешних условий и психологических факторов. Прежде всего следует учитывать, что потребность — не только определенное отношение между субъектом и объективным миром, но еще и возникшее в результате этого отношения субъективное состояние, в той или иной степени стимулирующее к деятельности[1].

Одним из центральных субъективных состояний, возникших в результате переживания потребности и в то же время обусловливающих взаимосвязь потребности и поведения, является установка. Следующая глава рассматривает это психическое явление с точки зрения репродуктивного поведения.

---

[1] См.: *Дилигенский Г. Г.* Проблемы теории человеческих потребностей. — Вопросы философии, 1976, № 9, с. 32.

Глава III

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ

ПОНЯТИЕ «РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ»

Исследование механизма, детерминирующего репродуктивное поведение человека, привело психологов и демографов к необходимости выделить репродуктивную установку как отдельный психологический комплекс, определяющий его поступки и решения в этой сфере[1].

Выявляя различия понятий «потребность в детях» и «репродуктивная установка», прежде всего следует принять во внимание саму структуру поведения, которая определяется в психологии как последовательность такого ряда: потребность (импульс), установка, мотив, действие. Установка в концепции Д. Н. Узнадзе — своеобразный фактор, который сосредоточивает в себе первичную связь потребности с объективной ситуацией ее удовлетворения[2]. Потребность, следовательно, первична по отношению к установке, установка возникает на основе потребности, являясь определенным видом ее отражения в жизнедеятельности и сознания индивида.

Установка личности — это занятая личностью позиция, которая заключается в определенном отношении к стоящим перед личностью целям или задачам и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление.

Роль установки заключается в интеграции различных потребностей и придании им обобщающего смысла

---

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972, с. 7—12; *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 3; *Антонов А. И.* Репродуктивные установки и их изучение.— В кн.: Демографическая ситуация в СССР. М., 1976; *Бойко В. В.* Репродуктивна нагласа; емпирично изучаване на елементите й.—Социологически проблеми. София, 1978, № 6, с. 99—106.

[2] См.: *Узнадзе Д. Н.* Психологические исследования. М., 1966, с. 231—232.

в контексте либо конкретных жизненных обстоятельств личности, либо в воображаемой ситуации. И в том и в другом случае установка «упорядочивает» потребности, взгляды, поведение человека. В каком-то смысле установка — «иносказание» потребностей и состояний индивида в конкретной ситуации деятельности. Причем в одних случаях установка не актуализирована в сознании, в других — когда перед нами возникает новая, более или менее сложная задача, поставлен соответствующий вопрос, проблема, — установка объективируется. В этом случае мы имеем дело с активной психической деятельностью — мышлением и волей[1].

Репродуктивная установка, как и любая социально-психологическая установка, возникает между потребностью и поведением, направленным на удовлетворение этой потребности при определенных обстоятельствах, репродуктивная установка не может быть отдельным актом сознания субъекта, поскольку установка — лишь модус его состояния как целого[2]. Такое понимание репродуктивной установки позволяет рассматривать ее шире отдельной частной потребности и отдельного акта поведения и представить на основе серии поступков и мнения личности. Во всяком случае, социальные психологи и социологи рассматривают установку как структурно сложное явление, которое включает в себя разнокачественные элементы: поведенческие, эмоциональные, когнитивные (познавательные)[3].

С другой стороны, относясь к социально-психологическим явлениям, репродуктивная установка не изолирована от общемотивационной основы поведения, не может не испытывать на себе влияние всей гаммы переменных, определяющих поведение личности, и не влиять на них. «В процессе взаимоотношения с действительностью установка — первичная психическая реакция индивида, которая кладется в основу любой последующей активности. Она представляет собой мост, свя-

[1] См.: *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961, с. 118.

[2] См.: *Узнадзе Д. Н.* Основные положения теории установки. — В кн.: Экспериментальные исследования по психологии установки. Тбилиси, 1958, с. 178.

[3] См.: *Асмолов А. Г., Ковальчук М. А.* К проблеме установки в общей и социальной психологии. — Вопросы психологии, 1975, № 4.

зующее звено между активностью индивида и воздействующей на него (индивида) объективной ситуацией»[1].

Исходя из вышесказанного репродуктивную установку можно определить, по нашему мнению, как комплекс поведенческих актов, суждений, оценок и позиций личности, выражающий ее фактическое (поведенческое), эмоциональное и сознательное отношение к рождению детей и опосредствующий принятие соответствующих решений с учетом представлений о нормативах, традициях, интересах общества, а главным образом, с учетом собственных потребностей и возможностей личности. Репродуктивная установка — весьма абстрактное понятие и, следовательно, условная характеристика личности.

Приведенное определение репродуктивной установки предполагает многофакторное и индексное измерение столь сложного явления. В эмпирическом плане задача состоит в том, чтобы: а) представить уровни проявления установки; б) выбрать признаки деятельности и вербальные признаки поведения человека, свидетельствующие о проявлении установки на данном уровне; в) найти способ, метод получения информации о фактическом и вербальном поведении человека, содержащем в себе признаки репродуктивного поведения.

Как вытекает из нашего определения, репродуктивная установка проявляется по крайней мере на трех уровнях активного отражения индивидом окружающей действительности — поведенческом, эмоциональном и когнитивном и включает в себя три соответствующих элемента. Каждый элемент установки — сам по себе сложный психический акт, опосредованный субъективными и объективными моментами, которые актуализируются или абстрагируются в исследовании на основе допущений, логики и целей изучения.

В последние годы в советских исследованиях сложилось мнение, что индикаторами репродуктивной установки являются идеальное, желаемое и ожидаемое (планируемое) число детей. Однако мнения расходятся относительно того, какие именно элементы установки отражают эти показатели отношений к детям. Чаще числовые показатели, получаемые в ответах на соответ-

[1] *Надирашвили Ш.* Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974, с. 12.

ствующие вопросы, рассматриваются исследователями как отражение социальных репродуктивных норм (идеальное число детей), личных предпочтений респондентов (желаемое число детей) и их намерений в зависимости от конкретных обстоятельств жизни (ожидаемое число детей). Встречаются и другие мнения. Так, венгерские ученые, изучая установку в отношении третьего ребенка, расчленили ее следующим образом: а) личные представления о третьей беременности; б) установка относительно предупреждения беременности (моральные проблемы и привычки); в) фактическое применение контрацепции и ее эффективность; г) планируемое время рождения третьего ребенка[1].

А. Г. Харчев и М. С. Мацковский предельно расширяют смысл репродуктивной установки, что приводит к нежелательному, на наш взгляд (с точки зрения теоретического анализа и эмпирического изучения), ее отождествлению с мотивацией родительского поведения, потребностью в детях, отношением к их воспитанию и судьбе[2].

Учитывая различные точки зрения по данному вопросу, мы выбрали несколько иную индексацию отдельных элементов репродуктивной установки вообще, а не в отношении конкретного по счету ребенка.

ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ

Этот элемент отражает факты репродуктивного поведения индивида, а также его репродуктивные намерения, планы. Вкладывая такое содержание в рассматриваемый элемент установки, мы руководствовались следующими соображениями. Как и любая социальная установка, репродуктивная установка включена в реальные акты взаимоотношений человека с объектами, в связи с которыми эта установка существует. Иначе говоря, поведение, связанное с рождением детей, является частью репродуктивной установки, и наоборот.

[1] См.: *Мольнар Л.* Применение социологических методов в демографических исследованиях. — В кн.: Проблемы народонаселения. (Над чем думают ученые социалистических стран). М., 1977, с. 143.

[2] См.: *Харчев А. Г., Мацковский М. С.* Современная семья и ее проблемы. М., 1978, с. 191—192.

Поведение может быть согласовано или рассогласовано с другими ее элементами — эмоциональным и когнитивным.

Некоторые авторы склонны выносить установку за рамки акта поведения, в котором она реализуется. И. С. Кон, например, определяет установку как «состояние готовности к определенной активности, способной удовлетворить ту или иную потребность»[1]. В таком случае эмпирическая попытка определения репродуктивной установки в поведенческом плане сводится лишь к выяснению различных оттенков в суждениях человека о численности детей в семье и доказательству того, что истинность этих суждений подтверждается на практике. Например, человек утверждает, что желает иметь двоих детей (суждение), и все или некоторые его действия свидетельствуют о том, что он стремится организовать свою семейную и личную жизнь так, чтобы его желания осуществились (практический критерий). Такой подход к изучаемому явлению разделяет ряд демографов, хотя их выводы основаны на доверии к суждениям людей и не проверены критериями практики[2].

По нашему мнению, установка выражается не только в суждениях и практических критериях, подтверждающих искренность этих суждений, но и в фактическом поведении, реализующем данную установку. Лишь, дополняя и уточняя друг друга, реальные репродуктивные действия личности и ее суждения (нередко односторонние, основанные на кажущихся мотивах действий и представлениях) создают синдром установки, а не мнений или поведения раздельно.

Поведенческий элемент установки выражен в нашем исследовании двумя планами: ***реальным*** репродуктивным поведением респондента (т. е. имеющимся числом детей) и *планируемым* репродуктивным поведением. При этом мы исходим из представлений о репродуктивном поведении как о динамическом психическом явлении, сочетающем в себе осуществленные и неосуществленные при данных обстоятельствах намерения человека относительно размеров семьи. Репродуктивное поведение представляет собой вариант сознательно организован-

[1] *Кон И. С.* Социология личности. М., 1967, с. 27—28.

[2] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 7—12.

9 Заказ 1544

ной деятельности, направленной на удовлетворение потребности, в частности в детях, и реализацию собственных возможностей. Эти возможности и потребности на протяжении жизни человека не одинаковы и обусловлены естественным и социальным развитием индивида, зависят от ожидаемых изменений, которые находят отражение в индивидуальных планах.

С другой стороны, самые искренние намерения человека в каком-либо периоде его жизни могут остаться неосуществленными в будущем. Однако длительное время они все же оказывают известное влияние на его поведение и суждения. Вот почему, определяя численное выражение поведенческого элемента репродуктивной установки, нельзя ограничиться ни достижениями личности, ни ее планами, а следует рассматривать его как проекцию двух векторов: реального (имеющегося) и планируемого числа детей в семье. Статистическим выражением этой проекции на момент опроса респондента может служить средняя арифметическая величина, полученная на основе реального и планируемого числа детей по данным респондентов. Разумеется, этот показатель очень условный, поэтому наряду с интегрированной оценкой поведенческого элемента необходимой составной частью его анализа должно остаться и раздельное изучение данных как о реальном, так и планируемом числе детей. Более того, мы считаем это обязательным условием анализа поведенческого элемента репродуктивной установки.

Достаточно надежным способом получения информации о реальном и планируемом числе детей в семье могут быть вопросы: «Сколько детей у Вас сейчас?», «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего?»[1]. Прежде всего рассмотрим данные об имеющемся числе детей в семье (итоги основного опроса). На одного опрошенного приходится 0,84 ребенка (независимо от семейного положения). Если же брать только семейных, то на семью в среднем приходится 1,06 ребенка. Интересно отметить, что по данным исследования, проведенного Центром по изучению проблем народонаселения МГУ

[1] Форма вопросов заимствована нами у Беловой В. А. и Дарского Л. Е., которые на основе пилотажных исследований нашли ее доступной для опрашиваемого и адекватной исследовательскому замыслу (см.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости. М., 1972).

«Причины ориентированности на малодетную семью в гор. Москве», реальное число детей в среднем равнялось 1,04[1].

Установленное нами среднее имеющееся число детей (независимо от семейного положения опрошенных) несколько изменяется у социально-профессиональных групп. В большинстве случаев оно меньше единицы: у творческих работников — 0,77, у служащих госучреждений, учителей и врачей — 0,86, у работников сферы обслуживания — 0,82, у рабочих неквалифицированного и квалифицированного труда — соответственно 0,84 и 0,88, у студентов — 0,1. Лишь у инженерно-технических работников имеющееся число детей близко к единице (0,98), у преподавателей равно 1,0 и у домашних хозяек больше — 1,16[2].

По данным Н. Таубер, наименьшее число детей в Москве имеют работники сферы обслуживания, специалисты со средним специальным образованием, инженеры и другие специалисты с высшим образованием, преподаватели и научные работники[3].

При анализе ответов респондентов на вопрос анкеты «Сколько детей Вы собираетесь иметь всего?» была получена информация о планируемом числе детей в семье. Она отражает существующие социальные нормы, но адаптирует их к семейным планам, создает возможность выявления личностного аспекта репродуктивного поведения семьи. Поэтому вполне естественно, что ленинградцы имеют существенно различные планы относительно ожидаемого числа детей в зависимости от принадлежности их к той или иной социально-профессио-

[1] См.: *Таубер Н.* Условия жизни семьи и среднее число детей.— В кн.: Демографический анализ рождаемости (Народонаселение). М., 1974, с. 13.

[2] Заметим, что указанные различия обусловлены не только социально-профессиональными особенностями сравниваемых групп, но и возрастными: в нашей выборке, естественно, нет лиц до 24 лет среди учителей и врачей, ИТР, творческих работников (поскольку они отбирались с учетом наличия высшего образования), в других же социальных группах представлены все возраста. Данное обстоятельство сказывается на среднем числе имеющихся детей — в группах, где есть несемейная или бездетная молодежь, оно занижается. Однако на характеристику репродуктивной установки социально-профессиональных групп этот факт не сказывается, напротив, именно так, по нашему мнению, и следует ее вычислять, не прибегая к методу стандартизации.

[3] См.: *Таубер Н.* Указ. соч., с. 16—19.

нальной группе населения. В целом по массиву планируемое число детей в семье равно 1,65 (на одного опрошенного), что существенно меньше, чем для СССР в целом (2,42)[1].

Близко к средней тенденции планируемое число детей у работников сферы обслуживания, учителей и врачей. Несколько ниже среднего этот показатель у рабочих неквалифицированного и квалифицированного труда, служащих госучреждений. Наибольшее число детей планируют иметь студенты — 1,88, т. е. та социальная группа, у которой в настоящее время детей меньше, чем у других. Здесь, очевидно, имеет место отражение социальных норм. При планировании числа детей большинство студентов, не имея собственного опыта семейной жизни, где они выступали бы в роли родителей, супругов, исходят из общих представлений о составе семьи. Высок показатель планируемого числа детей у домохозяек — 1,75. Наименьшее число детей собираются иметь творческие работники (0,92). Очевидно, это объясняется прежде всего спецификой труда респондентов. Труд этой социальной группы требует большой самоотдачи, значительного времени, появление же детей ограничило бы возможность занятия профессиональной деятельностью. Низки показатели планируемого числа детей у преподавателей (1,35) и ИТР (1,33).

Мужчины называют большее среднее планируемое число детей (1,73), чем женщины (1,56). Такова тенденция у всех социально-профессиональных групп, за исключением мужчин — рабочих неквалифицированного и квалифицированного труда, которые указывают меньшее число детей по сравнению с женщинами своей среды.

Теперь рассмотрим среднее планируемое число в зависимости от возраста всех опрошенных. С возрастом, очевидно, под влиянием социально-экономических условий жизни, изменения ценностей, представлений нередко меняются и семейные планы. По сравнению с другими возрастными группами среди опрошенных ленинградцев молодого возраста довольно высока доля планирующих иметь двоих детей. Такое положение связано, вероятно, с тем, что в этом возрасте репродуктивная установка

[1] См.: *Белова В. А.* Обследование мнений о наилучшем и ожидаемом числе детей в семье. — Вестник статистики, 1971, № 6.

формируется в основном лишь на основе распространенных суждений об идеальном числе детей. (Как увидим ниже, эти суждения у большинства горожан связаны с двухдетной семьей.) В старших возрастах суждения о планируемом числе детей становятся более разнообразными, происходит дифференциация взглядов различных возрастных групп и, очевидно, их адаптация к конкретным условиям жизни. При этом с возрастом увеличивается доля тех, кто планирует иметь лишь одного ребенка, и тех, кто хотел бы иметь троих детей.

В целом поведенческий элемент репродуктивной установки (средняя арифметическая величина из реального и планируемого числа детей) составляет 1,25 ребенка у всех опрошенных, у мужчин — 1,27, у женщин — 1,21. Для отдельных социально-профессиональных групп этот условный показатель колеблется в диапазоне от 0,85 (у творческих работников) до 1,46 (у домашних хозяек). Значение, близкое к среднему, — у рабочих квалифицированного труда, работников сферы обслуживания, служащих государственных учреждений, учителей и врачей. Расчет коэффициента вариации Пирсона показал, что реальное репродуктивное поведение больше зависит от социально-профессиональной принадлежности опрошенных, чем планируемое.

Определенную информацию о социально-психологическом состоянии человека дают сведения о том, насколько согласованы отдельные элементы его установки. В частности, выясним, о чем свидетельствует разница между *реальным* и *планируемым* числом детей в семье. Будем исходить из наиболее вероятного допущения, что появление новых детей приурочивается супругами к каким-то положительным переменам в семье. Тогда различие между реальным и планируемым числом детей будет зависеть прежде всего от тех изменений (положительных или отрицательных), которые ожидает человек в будущем — в материальных и жилищных условиях, в положении на работе, в повышении образовательного уровня, в появлении свободного времени, в улучшении здоровья и т. д. (если меркой этих изменений будет появление новых детей). Разумеется, это допущение справедливо, если игнорировать возраст людей и считать, что отношение личности к детям не меняется и оказывает одинаковое влияние на решение супругов иметь в

семье определенное число детей сейчас (на момент опроса) и в планируемом будущем.

Как следует из разницы реального и планируемого числа детей, в семьях большинства опрошенных предвидятся положительные изменения, если их ценность выразить прибавкой семейства. Наибольшая величина таких изменений у студентов (1,78), наименьшая — у творческих работников (0,15), преподавателей (0,35), ИТР (0,35). Работники сферы обслуживания (0,79), служащие госучреждений (0,73) близки к средней тенденции для всех опрошенных, у других групп величина ожидаемых изменений несколько ниже средней.

Сопоставление рядов данных о реальном и планируемом числе детей у различных социально-профессиональных групп показывает, что между двумя параметрами имеет место незначительная отрицательная зависимость (коэффициент корреляции Спирмена равен —0,1).

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ

Эмоционально-оценочный элемент репродуктивной установки представляет собой совокупность взглядов, суждений, позиций человека в отношении численности собственной семьи. Это предполагает выяснение той стороны репродуктивной установки, которая связана с личностными характеристиками опрашиваемого, историей социализации личности, формированием ее склонностей, предпочтений, семейного опыта и свойств личности. Речь идет о потребности в детях, которая могла бы проявиться при полном удовлетворении жизненных условий семьи. Она отражается в показателе желаемого числа детей и определяется в ответе на вопрос: «Сколько бы Вам хотелось иметь детей в семье, если бы для этого были все условия?»

Среднее желаемое число детей в ленинградской семье оказалось равным 2,04, это больше, чем в Москве (1,81)[1]. И мужчины и женщины единодушны в определении желаемого числа детей. Лишь мужчины-учителя и врачи желают иметь в семье больше детей (2,13), чем их коллеги-женщины (1,9). Разница статистически достоверна ($p<0,05$). Среднее желаемое число детей в разных социальных группах изменяется мало, только творческие работники, учителя и врачи хотят иметь менее двоих детей (соответственно 1,97 и 1,99). Подавляющее число опрошенных (82,8%) высказалось за семью с двумя и тремя детьми. Вместе с тем и в Ленинграде, и в Москве довольно высока доля опрошенных женщин, которые не хотели бы иметь ребенка ни при каких условиях (соответственно 75,4 и 40%).

Возраст опрашиваемых оказывает существенное влияние на желание иметь то или иное число детей, причем, чем старше человек, тем чаще высказывается мнение о желании иметь троих детей. В возрасте до 20 лет таких всего 12%, в 21—24 года — 20%, в 25—44 года — 29%, а в 45—49 лет — уже 42%. Интересно отметить, что во всех возрастных группах опрашиваемые лица при ответах на этот вопрос показывали меньшее желаемое число, чем, по их мнению, назвал бы партнер по совместной супружеской жизни. Разница в числе детей, которое желает иметь сам опрашиваемый, и числом, которое, по его мнению, желает иметь партнер по совместной супружеской жизни, косвенно свидетельствует о сложности психологических отношений в семье, что, несомненно, проявляется и в общей направленности демографического поведения семьи. Можно, видимо, согласиться с мнением В. А. Беловой и Л. Е. Дарского, что муж и жена нередко обладают разными репродуктивными установками, и степень их совпадения есть один из показателей гармонии семьи[1].

Интересные сведения о личности получаем при выявлении разницы между *желаемым* и *планируемым* числом детей. Как отмечалось, первый показатель определяется с учетом самых благоприятных условий жизни, а второй — дается с коррекцией на условия в перспективе. Разница между этими показателями у всех социально-профессиональных групп в пользу желаемого числа детей. Это свидетельствует, по нашему мнению, о степени «давления» обстоятельств личной жизни (ма-

---

[1] См.: *Киселева Г. П., Таубер Н. А.* Влияние некоторых социально-экономических факторов на репродуктивное поведение населения. — В кн.: Методологические проблемы изучения населения в социалистическом обществе. Киев, 1973, с. 416—418.

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 10.

териально-бытовые условия, возраст и здоровье, характер производственной деятельности, интересы и т. п.) на имеющуюся потребность в детях. Наибольшая степень «давления» таких обстоятельств присуща творческим работникам (разность между желаемым и планируемым числом детей свыше 53%). Наименьший разрыв между желаемым и планируемым числом детей у студентов (8,7%), домохозяек (17,8%), учителей и врачей (18,6%).

КОГНИТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕПРОДУКТИВНОЙ УСТАНОВКИ

Этот элемент установки характеризует познавательную сферу личности и относится к тем сторонам поведения и суждений, которые обусловлены наличием определенных знаний об объекте, по отношению к которому проявляется установка. Какова может быть сущность этих знаний, если речь идет о репродуктивной установке? Каковы эмпирические признаки ее когнитивного элемента?

Отвечая на эти вопросы, необходимо обратить внимание на то, что индивид, общность людей живут и действуют как бы в двух системах когнитивных координат. Одна система знаний — вектор нормативности, т. е. осведомленности личности о социальном нормативе, стандарте поведения, принятом и одобряемом значимой для личности общностью людей. В свою очередь норматив отражает в себе традиции, обычаи, а также сложившиеся условия жизни данного общественного слоя. Эти знания, как правило, не имеют формального характера, т. е. нигде не зафиксированы, не обязательны и не универсальны. Тем не менее, проявляя исконно человеческую потребность в приобщении к себе подобным, личность стремится принять сложившиеся стандарты и оценивать себя с точки зрения социального норматива значимой группы.

Другая система когнитивных координат — вектор информированности, т. е. знаний о репродуктивном поведении других.

Первая система когнитивных координат репродуктивной установки — *нормативный вектор* — в нашем исследовании определялся с помощью вопроса об идеальном размере семьи: «Как Вы думаете, сколько детей лучше

всего вообще иметь в семье?» Суждение об идеальном размере семьи демографы также рассматривают как показатель социально-нормативной полной потребности в детях. Наилучшее число детей в ленинградской семье, по мнению респондентов, равно 2,1, по ответам мужчин — 2,08, женщин — 2,12. Мнение ленинградок о наилучшем числе детей в семье отличается от мнения женщин в среднем по СССР (2,89), РСФСР (2,69) и приближается к мнению женщин Москвы (по данным разных авторов — 2,35[1] или 2,48[2]).

Некоторые авторы отмечают зависимость между суждениями об идеальном числе детей в семье и уровнем образования. Так, А. Г. Харчев и М. С. Мацковский, проанализировав таблицы, приведенные в различных публикациях по материалам Всесоюзного обследования 1969 г., убедились, что есть прямая связь между уровнем образования и рождаемостью: средние различия между идеальным числом детей в городе и на селе (0,73) были больше, чем различия в семьях городских жительниц с неодинаковым уровнем образования (разница между идеальным числом детей для жительниц с начальным и высшим образованием равнялась 0,36), и немного меньше, чем различия среди сельских жительниц с разным уровнем образования[3].

Тем не менее по итогам исследования в Москве показатель среднего идеального числа детей в группах с разными уровнями образования варьируется незначительно.

Такие же выводы можно сделать на основе ленинградского исследования. Мало выражены, по нашим данным, и вариации среднего идеального числа детей у представителей различных социально-профессиональных групп, что еще раз свидетельствует о достаточно сложившихся представлениях людей относительно идеальной структуры семьи. Различия заметны лишь у некоторых групп: наибольшее среднее идеальное число детей называют юноши-студенты (2,54), студентки (2,23) и домашние хозяйки (2,28), наименьшее — творческие работники (1,98), причем у женщин данной группы

---

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье. М., 1975, с. 10.

[2] См.: *Таубер Н.* Условия жизни семьи и среднее число детей.— В кн.: Демографический анализ рождаемости, с. 13.

[3] См.: *Харчев А. Г., Мацковский М. С.* Современная семья и ее проблемы, с. 178.

показатель близок к среднему показателю по всему массиву опрошенных (2,14), а у мужчин эта цифра гораздо меньше (1,85).

Влияет ли возраст на суждение об идеальной величине семьи? Законно предположить, что жизненные интересы, идеалы, устремления молодых должны отличаться по сравнению со старшими поколениями, чьи представления были подвергнуты жизненным испытаниям. Вместе с тем исследования В. А. Беловой и Л. Е. Дарского выявили лишь некоторую тенденцию изменения величины идеального числа детей при переходе от младших когорт женщин к старшим. Однако наши материалы свидетельствуют о явной прямой зависимости представлений об идеальном числе детей от возраста респондентов.

Сопоставим теперь среднее *планируемое* и среднее *идеальное* число детей в семье. Соотношение этих показателей, как считает Б. Ц. Урланис, свидетельствует о степени удовлетворения потребности родителей иметь детей. В среднем планы опрошенных ленинградцев в отношении идеальной семьи могут быть реализованы на 78,6%, в том числе у мужчин — на 83,4%, у женщин — 71,4%. По данным Б. Ц. Урланиса, согласно итогам исследования, проведенного в СССР в 1969 г., идеал советской женщины в отношении формирования семьи в среднем реализован на 84%, у женщин с высшим и незаконченным образованием он реализуется на 75%, а у женщин с начальным образованием — на 95%[1]. Как показало наше исследование, репродуктивные планы по сравнению с идеальным числом детей в семье в наибольшей мере совпадает у студентов (89,1%), квалифицированных рабочих (77,1%) и работников сферы обслуживания (76,3%), в наименьшей степени — у творческих работников (56,5%), ИТР (62,1%), преподавателей (63,1%).

С другой стороны, разность между *идеальным* и *планируемым* числом детей показывает, насколько личные намерения расходятся с представлениями о социальных нормах. У всех опрошенных категорий идеальное число детей выше планируемого. Особенно велик разрыв показателей у творческих работников (1,06), преподавателей вузов и техникумов (0,79), инженерно-технических работников (0,81). В целом по массиву разность между средним идеальным и планируемым числом детей в семье 0,45, меньше эта разность у мужчин (0,34) и больше у женщин (0,64).

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Народонаселение и общество. — Наука и жизнь, 1974, № 4, с. 66.

Наконец, сопоставим *идеальное* число детей с *желаемым,* т. е. выясним, насколько социальный норматив расходится с личными предпочтениями. В подавляющем большинстве случаев разница между идеальным и желаемым числом детей в семье невелика. Следовательно, желаниями большинства управляет заданный обществом стандарт детности. Исключение составляет лишь группа студентов-мужчин, у которых более выражена разница в пользу идеала (21,3%). Это лишний раз свидетельствует о том, что данная социальная группа не соотносит тесно свои представления об идеальном и желаемом числе детей, поскольку у основной части студентов собственные семьи еще не сформированы и нет четкости в представлениях о репродуктивном поведении.

Вторая система когнитивных координат, имеющая отношение к установке, — *вектор информированности.* Функция информации о поведении других не менее существенна для личности, чем функция общественного образца. Как и образец, информация побуждает человека организовывать свое поведение в направлении сглаживания противоречий между личным поведением и поведением значимой общности людей. В нашем исследовании выявлялась осведомленность респондентов о том, сколько детей имеет в среднем ленинградская семья. Среднее число детей в ленинградской семье, по мнению опрошенных, — 1,29. Большинство (64%) ответивших на анкету не располагали правильной информацией о рождаемости в городе, что косвенно свидетельствует, с одной стороны, об отсутствии должных сведений в широкой печати, недостаточности внимания к вопросам демографии, а с другой — об отсутствии наблюдательности и интуиции у некоторой части опрошенных. Точнее других ситуацию оценивают преподаватели вузов и техникумов, ИТР, менее информированы служащие госучреждений.

Поскольку векторы нормативности и информативности не совпадают как нечто идеальное и фактическое (коэффициент корреляции Спирмена 0,5), когнитивный

элемент установки необходимо выразить средней арифметической величиной, полученной на основе представлений респондента о числе детей в идеальной и типичной семье. Когнитивный элемент репродуктивной установки для всех опрошенных — 1,69, у мужчин — 1,67, у женщин — 1,72, наибольшая его величина у домашних хозяек — 1,87, студентов — 1,84, служащих госучреждений — 1,76. Наименьшая — у творческих работников — 1,62, преподавателей вузов и техникумов — 1,68, ИТР — 1,69.

Итак, репродуктивная установка представлена нами на трех уровнях ее проявления (табл. 6): поведенческом (признаки — реальное и планируемое число детей), эмоционально-оценочном (желаемое число детей в семье), когнитивном (признаки — представление об идеальном

Таблица 6

Репродуктивная установка и ее элементы
(выраженная средним числом детей)

Опрошенные	Элементы установки							Установка
	поведенческий			эмоционально-оценочный	когнитивный			
	реальное число детей	планируемое число детей	в целом	желаемое число детей	идеальное число детей	информированность	в целом	
Все	0,84	1,65	1,25	2,04	2,10	1,29	1,69	1,66
Мужчины	0,82	1,73	1,27	2,03	2,08	1,26	1,67	1,66
Женщины	0,86	1,56	1,21	2,04	2,12	1,32	1,72	1,66
Неквалифицированные рабочие	0,84	1,41	1,13	2,04	2,05	1,28	1,67	1,65
Квалифицированные рабочие	0,88	1,55	1,22	2,07	2,01	1,32	1,67	1,65
Работники сферы обслуживания	0,82	1,61	1,22	2,05	2,11	1,33	1,72	1,66
Студенты	0,10	1,88	0,99	2,06	2,39	1,29	1,84	1,63
Служащие госучреждений	0,86	1,59	1,23	2,03	2,13	1,38	1,76	1,67
ИТР	0,98	1,33	1,16	2,00	2,14	1,23	1,69	1,64
Учителя, врачи	0,86	1,62	1,24	1,99	2,13	1,26	1,70	1,64
Творческие работники	0,77	0,92	0,85	1,97	1,98	1,26	1,62	1,48
Преподаватели вузов и техникумов	1,00	1,35	1,18	2,04	2,14	1,21	1,68	1,63
Домохозяйки	1,16	1,75	1,46	2,13	2,28	1,45	1,87	1,82

числе детей в семье и информированность о фактической рождаемости).

Индексное выражение установки (1,66) представляет собой среднее арифметическое число, полученное на основе показателей, характеризующих три ее элемента. Этот индекс колеблется в довольно ограниченном диапазоне: 1,48 (творческие работники) — 1,82 (домохозяйки). Однако рассогласованность отдельных элементов и признаков установки достигает внушительных величин у всех групп опрошенных.

Особенно резко обозначилась разница между реальным и планируемым числом детей, реальным и желаемым, идеальным числом детей и показателем информированности людей. Это свидетельствует о внутреннем эмоционально-когнитивном диссонансе репродуктивной установки, а следовательно, и личности, которая является ее субъектом. Мера диссонанса различна у тех или иных представителей социально-профессиональных групп и представляет интерес для социальной психологии как вероятный механизм, влияющий на рождаемость. В частности, итоги исследования позволяют высказать гипотезу относительно принципов взаимоотношений между побудительными моментами репродуктивной установки (желанием иметь то или иное число детей) и репродуктивным поведением, планами личности.

Возникший здесь разрыв в оценках на первый взгляд трудно объясним логикой. На самом деле, одна из форм существования цели деятельности — желание, стремление достичь того, что хочется. В желаниях же человека выражаются его потребности, интересы. Потребности, желания, интересы в структуре деятельности отражаются как ее мотивы. Мотивы выступают как стимулы, движущие силы человеческой деятельности, как мощные регуляторы его поведения.

В таком случае, почему желаемое число детей столь заметно отличается от реального? Как получается, что желания, являющиеся основным компонентом мотивационной сферы поведения, активизирующей силой в человеке, не оказываются достаточным стимулом для поведения, направленного на устранение «ножниц» между реальным и желаемым числом детей? Уж не вкралась ли в наши рассуждения методологическая ошибка: возможно, желания не являются стимулом поведения? Нет, дело в другом.

Во-первых, желания могут не подкрепляться соответствующими условиями их осуществления (на эту вероятную причину диссонанса репродуктивной установки обращалось внимание и прежде).

Во-вторых (об этом в известной нам литературе, посвященной рождаемости, не упоминалось), желание иметь то или иное число детей может быть в разной степени актуализировано в сознании индивида, а от этого зависит, становится ли оно движущей силой поведения или нет. Приходится признать, что желание иметь определенное число детей — неактуализированное желание в сознании большинства людей, поэтому оно не стимулирует активное поведение, не становится его материальной движущей силой. По крайней мере это касается тех, кто имеет условия для реализации репродуктивных планов, но не осуществляет их.

Более того, можно предположить, что когнитивный диссонанс, обусловленный разницей между реальным и желаемым числом детей в семье, слишком слабо проявляется, а потому далеко не всеми осознается и не всегда вызывает какие-либо неудобства у индивида, переживания, муки совести и т. д. Слабость этого диссонанса очевидна, если обратить внимание на то, что люди не стремятся устранить его, получая материальные и жилищные возможности для увеличения числа детей в семье. Быть может, попытки устранения диссонанса проявляются в некоторых формах поведения, не связанных непосредственно с репродуктивным поведением или принятием решений в этом плане. Например, когнитивный диссонанс, вызываемый различиями между реальным и желаемым числом детей, может сказываться косвенным образом в сетованиях человека по поводу жилищных, материальных условий, здоровья, возраста, якобы препятствующих достижению желаемых размеров семьи. Однако это не приводит индивида к реализации желаний.

Анализ полученных эмпирических данных, характеризующих отдельные элементы репродуктивной установки — поведенческий, эмоционально-оценочный и когнитивный, а также признаков, составляющих каждый элемент, показывает, что выбранные параметры поведения и суждений респондентов носят не случайный характер. Они представляют «синдром», т. е. набор признаков, тесно связанных между собой таким образом, что характер реакции на один из них в значительной мере определяет характер реакции и на остальные. Это дает основание предположить, что, несмотря на диссонантный характер репродуктивной установки, она, очевидно, функционирует как некое цельное образование в личности. Эта установка подчиняет себе различные ориентации, мотивы поведения, обстоятельства жизни личности. Логично возникает вопрос: как же связана репродуктивная установка, отдельные ее элементы с остальными параметрами личности? Ответ можно получить, в частности, при помощи факторного анализа методом главных компонентов.

ФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕМЕНТОВ РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Материалы основного анкетного опроса позволяют окинуть единым взглядом различные моменты, составляющие семейную жизнь, под углом репродуктивного поведения. Анкета содержит 61 вопрос и 855 вариантов ответов на них, т. е. признаков, которые определяют фон жизни и действий современной личности и городской семьи. Указанные характеристики личности и семьи опрашиваемого могут оказывать влияние на рождаемость не только изолированно, но и в комбинации.

В результате обработки на ЭВМ было получено семь факторов — совокупностей признаков анкеты (характеристик респондентов), которые оказались общими для всех или для большинства из шести рассматриваемых групп (табл. 7). Указываем их в порядке информативности[1].

1. Фактор *«педагогического потенциала»*. Он занимает у большинства социально-профессиональных групп первое место (11—15% информации в структуре факторов у данной группы), у неквалифицированных рабо-

[1] За фактором может скрываться: а) латентное свойство респондентов, определяющее характер ответов на несколько вопросов-признаков, коррелирующих с фактором; б) какое-то свойство респондентов, еще не выявленное вопросами анкеты, но которое можно выявить, задав специальный вопрос или проведя эксперимент, смысл которого подсказывают признаки, коррелирующие с этим фактором; в) один из вопросов-признаков анкеты, имеющий очень высокий коэффициент корреляции, выявляющий какое-то свойство респондентов, определяющее ответы на остальные признаки, вошедшие в фактор.

Таблица 7

Характеристики факторов в факторных структурах различных групп опрошенных[1]

Факторы	Неквалифицированные рабочие			Квалифицированные рабочие			Творческие работники			ИТР			Работники сферы обслуживания			Учителя, врачи		
	Ф	Д	%	Ф	Д	%	Ф	Д	%	Ф	Д	%	Ф	Д	%	Ф	Д	%
1. Педагогический потенциал	2	4481	10,1	1	5245	13,5	1	4666	11,5	1	5602	13,6	1	6211	15,1	1	6054	14,9
2. Дети — не помеха	1	5194	11,7	4	3166	8,1	2	3841	9,7	2	3807	9,3	3	3878	9,4	2	4085	10,0
3. Беспокойная молодость	3	5343	12,0	2	4356	11,2	3	4643	11,4	3	4969	12,1	2	4261	10,3	6	3651	8,9
4. Устроенность — неустроенность с жильем	6	3059	6,9	10	2694	6,9	13	2230	5,5	7	2626	6,4	5	2969	7,2	10	2390	5,8
5. Жить для себя — для детей	10	2712	6,1	3	3169	8,1	8	2770	6,8	10	2521	6,1	7	3379	8,2	5	3032	7,4
6. Сокращение нагрузки женщин	7	2440	5,5	8	1959	5,0	4	2827	6,9	9	1970	4,8	4	2619	6,3	4	2540	6,2
7. Коммуникативность	5	2752	6,2	7	2347	6,0	—	—	—	8	2289	5,5	11	2222	5,4	7	2331	5,7

[1] Ф — номер фактора, показывающий его порядок по степени информативности трех основных его признаков у данной группы опрошенных; Д — дисперсия фактора; % — процент информации, приходящейся на фактор в факторной структуре данной группы опрошенных.

чих — второе (10,1%). Содержание и название фактора обусловлены наиболее информативными признаками, вошедшими сюда, т. е. признаками, которые сильно коррелируют с фактором и как бы дублируют его смысл. Если можно так сказать, «дискуссия» респондентов развернулась относительно числа детей в семье, необходимом, чтобы семья была полноценной, чтобы правильно воспитывать детей, в полной мере проявить свои отцовские (материнские) качества, продолжить в детях лучшие качества своей личности, чтобы в старости не грозило одиночество, чтобы почувствовать всю радость супружеской жизни.

Данному фактору присуще также то, что у всех групп, за исключением неквалифицированных рабочих, в него вошли суждения об идеальном и желаемом числе детей (как правило, с высокими весами). Это значит, что большинство респондентов высказывает различные мнения по этим вопросам, хотя в среднем, как уже отмечалось, группы не дифференцируются по показателям идеального и желаемого числа детей. В качестве фона фактора «педагогического потенциала» выступают планы иметь еще одного ребенка, желание повысить образование детей, стремление проводить свободное время с друзьями у себя дома и больше заниматься общественной работой вне дома. Специфический фон у творческих работников образуют: суждения о необходимости детей для семейного счастья, оценка содержания своей работы, занятие творчеством, любимым делом дома и т. д. Однако эти специфические или фоновые признаки, сопутствующие фактору «педагогического потенциала», не меняют его содержательного смысла у разных групп.

2. Фактор *«дети — не помеха»*. Он также обнаружен у всех исследуемых социально-профессиональных групп и в структуре прочих факторов занимает одно из центральных мест: у неквалифицированных рабочих — первое (11,7% информации в структуре факторов у данной группы), у творческих работников, ИТР, учителей и врачей — второе (около 9—10%); у работников сферы обслуживания — третье (9,4%), у квалифицированных рабочих — четвертое (8,1%). Высокоинформативными для большинства оказались суждения, показывающие условия, при которых дети не мешали бы личным интересам, производственной деятельности, проведению свободного

10 Заказ 1544

времени родителями, не были бы причиной перегрузки домашней работой и т. д. Дети не становятся помехой, если имеют место различные фоновые обстоятельства: для неквалифицированных рабочих и ИТР — это регулярные занятия физической домашней работой, интерес к работе, хорошие жилищные условия; для неквалифицированных рабочих, кроме того, — материальная обеспеченность; для творческих работников — это наличие свободного времени для занятий с детьми, ухода за ними, интерес к своей работе, увлечение спортивными зрелищами, хорошие жилищные условия и т. д.

3. Фактор *«беспокойной молодости»*. С точки зрения содержания вошедшие сюда признаки свидетельствуют о том, что респонденты молоды, учатся или хотели бы учиться, ожидают окончания учебы (школы, техникума, вуза), занимаются профессиональной работой, учебой дома, еще не имеют хороших жилищных условий, мало обременены семейными заботами. Среди фоновых признаков у большинства групп встречаются такие: респонденты планируют рождение ребенка, занимаются спортом, посещают кино и театры, ожидают смены места работы. Респонденты, у которых выделен фактор «беспокойная молодость», предлагают различные меры, направленные на облегчение положения работающей женщины (продлить оплачиваемый декретный отпуск, организовать «бюро нянь», сократить рабочий день, обеспечить на дому бытовое обслуживание женщин, имеющих грудных детей). Роль данного фактора для тех или иных групп различна: у квалифицированных рабочих и работников сферы обслуживания он по информативности — на втором месте, у неквалифицированных рабочих, ИТР и творческих работников — на третьем, а у врачей и учителей — на шестом.

4. Фактор *«устроенности — неустроенности с жильем»*. Он занимает различное место в структуре факторов в зависимости от группы опрошенных: 5—6-е у работников сферы обслуживания и неквалифицированных рабочих, 7-е — у ИТР, 10-е — у квалифицированных рабочих, учителей и врачей, 13-е — у творческих работников. Смысл фактора определяется тем, что одни группы — неквалифицированные и квалифицированные рабочие, творческие работники — ожидают получения квартиры или являются очередниками на получение (улучшение) жилья, другие же не ожидают получения

квартиры и не являются очередниками — это представители сферы обслуживания, врачи, учителя. Причем важно отметить, что все респонденты, у которых выделился данный фактор, независимо от того, ожидают они или нет получения квартиры, улучшения жилищных условий, имеют малый метраж на одного человека или живут с родственниками в коммунальных квартирах. Среди фоновых признаков данного фактора встречаются такие: для семейного счастья необходима отдельная квартира (причем на это указывают только те, у кого есть реальная перспектива улучшения жилищных условий); интересная работа (неквалифицированные рабочие, учителя и врачи); занятие работой во внерабочее время (хотя среди творческих работников, учителей и врачей жильем хуже обеспечены именно те, кто меньше занят работой во внерабочее время) и др.

5. Фактор *«жить для детей — для себя»*. Ведущую роль данный фактор играет у квалифицированных рабочих, занимая третье место, менее важен для учителей и врачей — на пятом месте, работников сферы обслуживания и творческих работников — 7—8-е место, ИТР и неквалифицированных рабочих — 10-е место. Наиболее информативны признаки, определившие название фактора. Они показывают, как относится человек к тому, что детям надо посвящать свободное время, ухаживать за ними. Одни — квалифицированные рабочие, учителя и врачи — готовы в той или иной мере делать это, другие — работники сферы обслуживания, ИТР, творческие работники и неквалифицированные рабочие — в этом плане стремления не проявляют. Для квалифицированных рабочих, учителей и врачей получена высокая положительная корреляция названных признаков с направлением фактора (0,88—0,82). Это означает, что представители этих двух групп в разной степени занимаются детьми, но для них бесспорно то, что детьми надо заниматься, и «дискуссия» между ними идет относительно времени, посвящаемого детям. Ориентация работников сферы обслуживания, ИТР, творческих работников и неквалифицированных рабочих иного плана: условно ее можно интерпретировать как стремление пожить для себя. Эти респонденты не стремятся посвящать свое время детям и, как показывают фоновые признаки в факторе, больше заняты собой, производственной деятельностью, любимым делом вне дома, стре-

мятся как можно позже обзаводиться первенцем, считают, что, чем меньше детей, тем больше можно жить в свое удовольствие и т. п. При этом представители всех групп, независимо от отношения к детям, не намерены увеличивать размеры семьи в будущем.

6. Фактор *«сокращение нагрузки женщин»*. Если судить по степени информативности, наибольшее значение фактор имеет для учителей, врачей, творческих работников и работников сферы обслуживания — у представителей этих групп фактор вышел на четвертое место. Для ИТР, неквалифицированных и квалифицированных рабочих фактор менее существен — 7—9-е место. Центральными признаками в данном факторе являются предложение сократить для женщины-матери рабочий день, продлить оплачиваемый отпуск после рождения ребенка. В качестве основного фона у большинства групп появляются суждения о необходимости создать «бюро нянь» при жилищных конторах, детские комнаты по месту жительства, обеспечить на дому бытовое обслуживание женщин, имеющих грудных детей.

7. Фактор *«коммуникативности»*. Объединяет в себе признаки анкеты, показывающие ту или иную меру общительности респондентов вне семьи. Высоко коррелирует с направлением данного фактора такой признак, как частые встречи с друзьями у себя дома и вне дома. Фактор «коммуникативности» обнаружен у всех социально-профессиональных групп, за исключением творческих работников[1]. Он занимает разные места по информативности: у неквалифицированных рабочих он имеет более весомое значение в структуре факторов — 5-е место, у квалифицированных рабочих, учителей, врачей и ИТР — 7—8-е место, у работников сферы обслуживания — 11-е место. Фоновые признаки, вошедшие в фактор той или иной группы, выявляют некоторую их специфичность. Например, у неквалифицированных рабочих «коммуникативность» сопровождается активным отдыхом за городом, частым посещением кино, причем

[1] По всей вероятности, у творческих работников данный фактор не обнаруживается потому, что респонденты этой группы дают однотипные ответы на признаки, определяющие смысловое содержание фактора. Например, для них не является дискуссионным вопрос о частоте встреч с друзьями, такие встречи обязательны для всех. Фактор же объединяет признаки не только взаимосвязанные, но и в некоторой степени различно оцениваемые.

это в основном молодые люди, недавно приехавшие в Ленинград. Учителя и врачи свою «коммуникативность» проявляют на фоне таких признаков: частое посещение кино, учеба, при этом они не спешат обзавестись детьми и не склонны поддерживать всякого рода суждения о том, что в семье должно быть более одного ребенка. ИТР, которым присуще качество «коммуникативности», много читают дома, посещают спортивные мероприятия и меньше заняты общественной работой.

Помимо факторов, общих для всех групп опрошенных, у отдельных групп отчетливо определились специфические. У неквалифицированных рабочих это фактор «ориентации на детей». Центральное положение здесь занимают признаки, характеризующие репродуктивную установку, — суждения об идеальном, желаемом и планируемом числе детей. Причем фоновые признаки фактора свидетельствуют о том, что характер ориентации на детей у неквалифицированных рабочих несколько отличается от других групп: они больше свободного времени проводят с детьми, много времени посвящают уходу за ними, проводят дома свой досуг, много занимаются домашней работой, посещают спортивные мероприятия. При этом считают, что надо организовывать детские комнаты по месту жительства и «бюро нянь» с тем, чтобы облегчить положение занятых на производстве женщин-матерей.

Для творческих работников специфическим оказался фактор *«творческой ориентации»*, показывающий их увлеченность работой на производстве и дома, свидетельствующий о том, что дети часто рассматриваются как «помеха» творчеству и не являются обязательным условием семейного счастья. Фактор *«активной солидности»* специфичен для ИТР. Он выделяет пожилых людей, удовлетворенных работой, имеющих высокий материальный доход, обеспеченных квартирами и в то же время активно участвующих в производственной и общественной жизни, имеющих широкие духовные интересы (посещение кино, театров, чтение газет, книг). У работников сферы обслуживания вычленяется фактор *«пассивной солидности»* — пожилые люди, имеющие хорошие бытовые и материальные условия, проводят свободное время преимущественно с друзьями или за городом, редко занимаются физической домашней работой.

Подводя итоги факторного анализа, следует подчеркнуть, что мы получили для каждой изученной социально-профессиональной группы систему факторов — совокупностей статистически независимых признаков нашей анкеты. Однако, несмотря на свою статистическую независимость, эти факторы связаны логически. Общим для них является сам контекст семейной жизни, заботы о рождении и воспитании потомства, благополучии семьи, мерах, направленных на укрепление ее устоев. Поэтому полученные факторы можно рассматривать как некую систему координат для характеристики личности в контексте семейной жизни, родительских обязанностей и репродуктивного поведения. Сами факторы могут стать пунктами такой характеристики личности. Полученная «система координат», на наш взгляд, дает представление о *родительской установке,* т. е. комплексе суждений, оценок, практических действий индивида, связанных с устройством семейной жизни, осуществлением репродуктивного поведения, мотивацией детности, ориентациями на определенный стиль воспитания и отношений к детям, взглядами на современную семью (включая репродуктивную установку).

Являясь относительно самостоятельным образованием, родительская установка существует тем не менее как конкретное выражение позиции личности в отношении семьи и деторождения. Можно говорить об уровне, содержании и форме такой установки респондентов в целом или у отдельных социально-профессиональных и половозрастных групп.

Под *уровнем* родительской установки мы понимаем широту и глубину ориентации человека в отношении родительских обязанностей, рождения и воспитания детей, меру сознаваемой ответственности личности перед обществом и ребенком за его воспитание. На высоком уровне развития родительской установки рождение ребенка рассматривается личностью как компонент жизненного пути в совокупности обязательств перед обществом по воспитанию нового человека и в связи со всеми сторонами ее жизнедеятельности. На низком уровне существования установки какое-нибудь частное, случайное, временное обстоятельство может оказаться определяющим в формировании семейных отношений, рождении и воспитании детей.

Под *содержанием* родительской установки понимается смысл, ради которого индивид создает семью, добивается ее благополучия, а главное — как он рассматривает деторождение: как условие формирования полноценной, здоровой семьи с хорошим нравственным климатом; как средство самоутверждения; возможность реализовать в детях собственные качества и замыслы; видит ли ценность процесса воспитания, эмоционального контакта с ребенком и возможность реализации отцовского (материнского) чувства; стремится ли иметь семейный круг общения, гарантию от одиночества; видит ли в детях источник трудностей, связанных с физической нагрузкой, материальными затруднениями, препятствиями плодотворной профессиональной деятельности и образованию; считает ли детей причиной ограничения внесемейного общения, сильных физических и психических нагрузок и т. д.

Под *формой* родительской установки понимаются варианты ее выражения посредством устоявшихся в обществе образцов поведения — ролевых эталонов, интересов, мнений, убеждений, идеалов, жизненных целей, планов, намерений (в той мере, в какой они отражают или связаны с семейными ориентациями, отношением к деторождению).

Глава IV

МОТИВЫ И ПРИЧИНЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕТНОСТИ

МОТИВ И ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Решения и действия индивида, его переживания и намерения обусловлены либо объективно существующими *причинами,* т. е. определенными потребностями, интересами, состоянием личности, жизненными обстоятельствами, либо *мотивами,* т. е. соображениями в пользу объяснения своих решений и действий, состояний и свойств. Если причина чаще имеет следствием поступок, решение, то мотив — это скорее объяснительная модель поведения (motif — побудительная причина, довод в пользу чего-то).

Под мотивом имеется в виду вербализация цели и программы, дающая возможность данному лицу начать определенную деятельность[1]. К этому определению К. Обуховского добавим, что при некоторых обстоятельствах мотив «отражаясь в голове человека, побуждает деятельность, направляет ее на удовлетворение определенной потребности»[2]. Следовательно, мотив может оставаться либо лишь в виде вербализованной цели и программы, либо стать побудителем определенной деятельности. В контексте ориентации на малодетную семью это означает, что у человека могут быть *мотивы-доводы* в форме мнений, суждений, оценок, интерпретаций, не имевшие и не имеющие определенных последствий в принятии решения о числе детей, и *мотивы-побудители* конкретного демографического поведения, т. е. ограничения или увеличения детности.

Указанные респондентом мотивы — доводы или мотивы-побудители поведения могут быть подлинными и

[1] См.: *Обуховский К.* Психология влечений человека. М., 1972, с. 19.

[2] *Леонтьев А. Н.* Потребность и мотивы деятельности. — В кн.: Психология. М., 1956, с. 356.

мнимыми, т. е. адекватно или неадекватно отражающими объективные факты социального окружения или жизни индивида. Задача науки — выявить степень подлинности мотива. С другой стороны, интересы демографической политики, пропаганды среднедетной семьи (если возникнет в этом необходимость) требуют ясного ответа на вопрос: что для человека послужило причиной выдвижения им мнимого мотива, какова природа ошибочного умозаключения — психологическая, логическая, незнание сущности явлений, с которыми связаны мотивы репродуктивного поведения, и т. д. Указанный мотив — это нередко лишь камуфляж сложнейших явлений внутреннего мира личности. Задача науки, писал К. Маркс, «заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению»[1].

Если сам мотив всегда осознается человеком или актуализируется в сознании при определенной ситуации (например, когда об этом заходит речь, при опросах и т. п.), то вопрос о подлинности — мнимости мотивов очень редко возникает перед человеком. Разграничение подлинных и мнимых мотивов, а также мотивов-доводов и мотивов-побудителей поведения является научной задачей, которая предполагает специальные методы исследования. В обыденном же сознании человек различает мотивы приемлемые, т. е. привычные, понятные, отвечающие личным убеждениям, знаниям и опыту, или неприемлемые.

Как справедливо отмечают В. А. Белова и Л. Е. Дарский, несомненно, что в каждой социальной группе существует определенный набор мотивов, которые в представлении членов этой группы являются самыми приемлемыми для объяснения своего демографического поведения. «Этот распространенный и прочно утвердившийся перечень мотивов репродуктивного поведения настолько устойчив, что называются такие мотивы, которые были еще признанными несколько лет назад и продолжают существовать, хотя причина, вызвавшая к жизни такой мотив, давно ликвидирована»[2].

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Капитал, т. III. М., 1953, с. 324.

[2] *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 123.

Следовательно, изучая мотивы ограничения числа детей в семье, необходимо рассматривать их, во-первых, как характеристику объективных *условий среды,* как обозначение того, что не хватает человеку (подлинно или мнимо), и, во-вторых, как характеристику психологических *состояний человека,* отвечая при этом на вопросы: *почему, как, у кого* складывается определенная мотивация деятельности. В этом смысле исследование мотивации репродуктивного поведения людей должно обеспечить более тесную связь психологической науки с практикой социального управления. «Чем больше проникает психологическое исследование за поверхность изучаемых явлений, чем больше подходит оно к подлинно жизненным задачам, — пишет А. Н. Леонтьев, — тем все более отчетливо выступает значение проблемы мотивов человеческой деятельности»[1].

Пути решения этой сложной задачи могут выбираться разные — косвенные и проективные опросники, шкалограммный анализ, наблюдение, биографический анализ и другие взятые отдельно или в сочетании методы. В нашем исследовании для выявления «механизма» действия адекватных и неадекватных мотивов ограничения детности были использованы главным образом ответы на прямые вопросы, которые затем интерпретировались с помощью вопросов той же анкеты или объективных научных данных.

В опроснике, адресованном свыше 3200 ленинградцам, был задан вопрос: «Если Вы решили не иметь детей (еще одного ребенка), то укажите одну или ряд причин из перечисленных ниже». Респондентам предлагалось на выбор 15 наиболее вероятных мотивов ограничения детности, отобранных в результате пилотажного обследования и на основе метода компетентных судей. В роли последних выступали лица, имеющие различный опыт семейной жизни, и молодые люди, еще не состоявшие в браке. По желанию респондент мог указать на свободной строчке любую иную причину, не предусмотренную нами.

Мы отдаем себе отчет в том, что полученная с помощью прямого вопроса информация, в силу психологических особенностей респондентов и остроты изучаемой проблемы, отражает в себе не только мотивы ограничения числа детей в семье отвечающего, но и другие мотивы. На эту специфику методики указывалось в специальной литературе[1]. Однако фактическая и психологическая ценность в сведениях такого рода, на наш взгляд, все же есть.

[1] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965, с. 300.

«Мотив — не только наиболее реальный, но и наиболее обобщающий компонент, который обусловливает целенаправленное поведение человека»[2]. В данном случае нас интересуют именно обобщенные представления различных социально-профессиональных и половозрастных групп о факторах, сдерживающих рождаемость. Это настроения, ощущения реальной действительности, которыми руководствуется человек и которые в его сознании существуют как сложное единство общего, характерного для большинства других людей, и частного, проявляющегося в обстоятельствах личной жизни. Такая диалектика общего и личного находит отражение в самой природе мотивов, которые, как отмечалось, могут фигурировать в качестве и доводов и побудителей поведения.

Именно такой комплекс трудно разделимого «я» и «другие», «довод» и «побудитель поведения» лежит в основе, если можно так сказать, обыденного демографического сознания населения. Более того, если человек не имеет достаточного личного опыта, например, не обзавелся вторым ребенком, то он лишь предположительно, на основе ощущаемой жизни, практики окружающих его людей может судить о весомости того или иного фактора, связанного с появлением второго ребенка. Вопрос о том, что препятствует рождению детей, которых индивид еще не имеет, не получит ответа без мысленной апелляции к некоторой средней тенденции — к «другим». «Другие», возможно, представляемые весьма абстрактно, играют в оценках индивида роль своеобразных эталонов, без наличия которых вопрос о мотивах малодетности вообще лишался бы всякого смысла для респондента, не имеющего требуемого демографического опыта.

Исследователь должен показать с помощью дополнительных методов (например, анализа объективных

[1] См.: *Белова В. А.* Число детей в семье, с. 159; *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 194—195.

[2] *Москвичев С. Г.* Проблемы мотивации в психологических исследованиях. Киев, 1975, с. 6.

фактов), в какой мере в суждениях тех или иных контингентов опрошенных имеет место правильное или искаженное представление существа вопроса. Сказанное не исключает иных целей исследования. Самостоятельное значение может иметь информация о том, каковы фактические обстоятельства жизни респондента, могут ли они действительно мешать появлению ребенка и каково отношение к ним опрашиваемого, что думает респондент о причинах малодетности в большинстве семей и т. д. Но это исследования иного профиля, требующие и иного методического аппарата.

Выделенные нами мотивы ограничения числа детей в семье объединены в несколько групп: 1) *медико-биологические* — не позволяет здоровье, возраст; 2) *материально-бытовые* — не позволяют жилищные условия, появление ребенка ухудшит материальное положение семьи, при рождении ребенка не оказывается достаточная материальная помощь; 3) *внутрисемейные* — неравномерно распределены семейные обязанности между супругами, не уверены в прочности своего брака, супруг(а) пьет, легкомысленное отношение супруга(и) к своим семейным обязанностям; 4) *деятельность* — необходимо закончить учебу, овладеть специальностью, появление ребенка ограничит возможности заниматься любимым делом, женщина занята на производстве; 5) *трудности воспитания и ухода за детьми* — дети часто болеют, останавливают трудности ухода за детьми, не хочется сталкиваться с недостатками в работе учреждений по уходу и обслуживанию детей (ясли, сады, больницы), родители не рассчитывают на помощь родственников в уходе за ребенком, а самим с этим трудно справиться[1].

Столь обширный и разнообразный перечень обстоятельств личной и семейной жизни индивида, его умонастроений и отношений к различным сторонам бытия, выдвигаемых в качестве вероятных мотивов ограничения детности, вполне оправдан. Как отмечает Л. И. Божович, в качестве мотивов могут выступать предметы внешнего мира, представления, идеи, чувства и переживания. «Словом, все то, в чем нашла свое воплощение *потребность*»[1].

[1] Чтобы избежать влияния установок исследователя на последовательность мотивов, а также какой-либо закономерности в представлении одобряемых и неодобряемых мотивов, предлагаемых в анкете респондентам, мотивы были даны в опроснике в случайном порядке.

Наибольший удельный вес среди указанных групп мотивов ограничения детей занимают материально-бытовые мотивы. Их доля составляет 35,8% общего числа мотивов у всех респондентов, в том числе у мужчин — 40,9%, у женщин — 30,8%. Чаще других среди социально-профессиональных групп эту совокупность мотивов указывают неквалифицированные и квалифицированные рабочие — свыше 40% у тех и других, служащие госучреждений и работники сферы обслуживания — 31—33% (различия со средней тенденцией у названных групп респондентов статистически значимые). Значительно реже на препятствия материально-бытового характера указывают студенты и творческие работники, преподаватели, учителя и врачи.

Мы склонны думать, что относительно редкие или частые ссылки на материально-бытовые причины вызваны не тем, что одни социально-профессиональные группы имеют условия лучше, чем другие. Наше исследование показало, что все опрошенные группы в среднем находятся примерно в одинаковых жилищных и материальных условиях. Представляется, что разница во мнениях обусловлена тем, что одни люди (как правило, это лица с высшим образованием) лучше, чем другие, понимают, что они ограничивают число детей в семье не из-за материально-бытовых условий, но по другим причинам. Поэтому одни чаще, а другие реже ссылаются на жилищные и материальные условия.

Второе место заняла группа мотивов, объединенных под рубрикой «трудности воспитания и ухода за детьми». Эти мотивы составляют 21,7% общего числа мотивов, названных опрошенными. Их доля примерно равна у мужчин и женщин. На частоту выбора этих мотивов оказывает влияние характер профессиональной деятельности. Чаще других эти мотивы указывают творческие работники, учителя и врачи, ИТР, домашние хозяйки, значительно реже — студенты, служащие госучреждений, квалифицированные и неквалифицированные рабочие.

[1] *Божович Л. И.* Проблемы развития мотивационной сферы ребенка. — В кн.: Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972, с. 41—42.

Медико-биологические мотивы ограничения детности среди других групп мотивов заняли третье место. На их долю приходится 18,7% всех мотивов, на них ссылаются чаще женщины, чем мужчины.

Мотивы, отнесенные нами к группе «деятельность»,— на четвертом месте. Их доля среди указанных групп мотивов — 16,8% и примерно равна у мужчин и у женщин. Среди социально-профессиональных групп резко выделяются студенты (их мотивация составляет 49,8%) и творческие работники (29,2%), которые значительно чаще других считают, что рождению ребенка (еще одного ребенка) препятствует различного рода деятельность. У рабочих квалифицированного и неквалифицированного труда ссылки на деятельность составляют всего восьмую часть среди прочих помех репродуктивным планам.

Последнее, пятое, место заняла группа внутрисемейных мотивов. На их долю приходится всего 7%, причем у женщин почти в 2 раза больше (9,5%), чем у мужчин. Среди социально-профессиональных групп опрошенных мотивы внутрисемейного плана чаще называют неквалифицированные и квалифицированные рабочие, реже — творческие работники, преподаватели, студенты.

Иная иерархия причин, препятствующих, по мнению всех опрошенных, увеличению числа детей в семье, если их рассматривать раздельно, не объединяя в логические группы (табл. 8). На первых местах здоровье, возраст, затем жилищные и материальные условия (18,7—13% числа всех причин). Реже встречаются мотивы: занятость женщин на производстве (9,2%), при рождении ребенка в семье не оказывается помощь (7,5%), недостатки системы обслуживания детей (6,6%), отсутствие помощи родственников в уходе за ребенком (6,8%). Прочие мотивы представлены редко и составляют всего 3,8—1,2%, однако среди них встречаются и такие, которые вызывают определенные трудности в функционировании семьи. Это относится прежде всего к таким мотивам, как супруг(а) пьет, дети часто болеют.

Мнения мужчин и женщин статистически значимо различаются лишь в отношении трех основных мотивов — мужчины чаще ссылаются на здоровье и возраст, жилищные и материальные условия. В целом же имеет место большая степень соответствия в выборе различных мотивов у мужчин и женщин (коэффициент ранговой корреляции Спирмена 0,94).

Полученные данные можно сопоставить с итогами выборочного обследования, проведенного в 1970 г. сотрудниками Центра по изучению проблем народонаселения при МГУ[1]. Опрашивались женщины в возрасте до 40 лет как замужние, так и незамужние, но имеющие детей. Несмотря на некоторое различие с нашей выборкой, обнаруживаем значительное сходство в мотивациях нежелания иметь детей у москвичек и ленинградок. И те и другие одинаково часто ссылаются на недостаток жилой площади (около 13% числа всех причин), близка доля ссылающихся на то обстоятельство, что супруг пьет (соответственно 4 и 2,5%), что брак не прочен (1 и 2,5%). Но есть и определенные отличия в выборе мотивов: москвички чаще указывают на материальные трудности (20%), чем ленинградки (10,6%), и реже ссылаются на здоровье и возраст — соответственно 16 и 22,7% (последнее обстоятельство объяснимо различием в возрастной структуре выборок). Приведенные данные свидетельствуют, что жительницы Москвы и Ленинграда весьма сходным образом мотивируют отказ от увеличения детности. Это подтверждает идентичность социально-экономических и социально-психологических явлений, лежащих в основе демографического поведения женщин, по крайней мере, в крупных промышленных городах.

Распределение мотивов ограничения детности достаточно дифференцировано в зависимости от социально-профессиональной принадлежности опрашиваемых (табл. 8), о чем свидетельствует коэффициент сопряженности Пирсона (0,45). По-разному оценивают опрошенные влияние на увеличение семьи следующих факторов: здоровье и возраст (доля колеблется от 6,6% у студентов до 25,1% у работников сферы обслуживания), жилищные условия (11,2% у творческих работников, 25,3% у служащих госучреждений), материальные условия (9,8% у преподавателей, 17,4% у неквалифицированных работников). На трудности ухода за детьми значительно чаще других ссылаются творческие работники (12,1%) и преподаватели (7%). Эти же группы опро-

[1] См.: *Киселева Г., Рылкова И.* О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения. М., 1974, с. 66.

Таблица 8

Распределение мотивов ограничения детности у социально-профессиональных групп, %

Группы / Мотивы	Неквалифицированные рабочие	Творческие работники	Квалифицированные рабочие	ИТР	Работники сферы обслуживания	Преподаватели	Учителя, врачи	Служащие госучреждений	Студенты	Домохозяйки	Все
Не позволяет здоровье, возраст	14,0	15,7	18,8	16,2	25,1	23,9	19,0	23,5	6,6	23,8	18,7
Не позволяют жилищные условия	22,8	11,2	19,1	13,2	16,0	11,9	14,1	25,3	12,4	16,7	15,3
Появление ребенка ухудшает материальное положение	17,4	9,9	17,3	14,5	13,7	9,8	11,3	14,7	10,5	10,8	13,0
Необходимо закончить учебу, получить специальность	0,9	0,2	0,3	0,4	0,0	0,5	2,5	0,7	32,1	0,4	3,8
Дети часто болеют	2,2	0,7	2,5	3,5	1,4	0,9	3,2	0,3	3,2	3,0	2,3
Останавливают трудности ухода за детьми	4,7	12,1	3,4	6,6	5,5	7,0	5,9	4,9	3,7	6,2	6,0
Неравномерно распределены семейные обязанности между супругами	2,2	0,5	2,5	2,1	2,6	1,6	3,1	0,0	2,1	3,6	2,0
Не уверены в прочности брака	2,9	1,1	2,2	1,5	1,6	2,2	2,3	3,6	1,9	2,9	2,2
Появление ребенка ограничит возможности заниматься любимым делом	0,9	14,1	0,4	2,2	1,9	7,1	3,7	2,8	2,8	2,1	3,8
Супруг(а) пьет	3,6	0,4	2,0	1,2	1,1	1,1	2,4	2,3	2,1	0,1	1,6
Легкомысленное отношение супруга к своим обязанностям	2,7	1,0	1,0	1,2	0,8	0,3	1,0	2,7	1,6	0,0	1,2
Не хочу сталкиваться с недостатками системы обслуживания детей	2,8	6,5	5,3	7,7	3,7	11,4	12,5	4,4	6,7	5,4	6,6
При рождении ребенка семье не оказывается достаточная материальная помощь	8,2	4,8	10,1	10,2	6,5	7,6	5,5	8,9	5,0	8,0	7,5
Не рассчитываем на помощь родственников в уходе за ребенком	6,0	9,1	5,5	6,7	7,6	6,5	5,7	6,8	4,5	9,1	6,8
Женщина занята на производстве	6,7	12,7	9,6	12,8	12,5	8,2	7,8	9,1	4,8	7,8	9,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

11 Заказ 1544

шенных значительно чаще, чем другие, считают, что появление ребенка ограничит возможности заниматься любимым делом. Прочие причины ограничения детности указываются представителями разных социально-профессиональных групп с менее выраженными вариациями.

Особенно отчетлива зависимость выборов мотивов ограничения детности от возраста опрошенных. Можно выделить несколько типов изменения мотивов с увеличением возраста.

1. Постепенное нарастание доли ссылающихся на данный мотив. Такой характер носит распределение мотива «не позволяет здоровье, возраст». Вполне логичное явление, объяснимое тем, что с возрастом снижается рождаемость.

2. Постепенное снижение доли ссылающихся на такие мотивы: «необходимо закончить учебу, получить специальность», «появление ребенка ограничит возможность заниматься любимым делом», «не позволяют жилищные условия». Характер распределения этих мотивов отражает динамику изменения социального статуса личности, поэтапное решение насущных жизненных проблем с возрастом.

3. Относительно постоянный процент ссылок на мотив. К этому типу относятся такие мотивы: «появление ребенка ухудшит материальное положение», «не хочется сталкиваться с недостатками системы обслуживания детей». Неизменный характер отношений к первому мотиву, очевидно, можно объяснить тем, что с возрастом растут как материальные доходы, так и запросы людей. Постоянство ссылок на систему обслуживания детей со стороны разных возрастных групп объяснимо тем, что все опрошенные сталкиваются с одними и теми же ее недостатками.

4. Распределение, при котором крайние возрастные группы реже ссылаются на мотив, чем промежуточные, куда вошли люди среднего возраста. Это мотивы: «дети часто болеют», «останавливают трудности ухода за детьми», «неравномерно распределены семейные обязанности между супругами», «супруг(а) пьет», «неуверены в прочности брака», «женщина занята на производстве», «не рассчитываем на помощь родных в уходе за ребенком», «при рождении ребенка не оказывается достаточная материальная помощь». Очевидно, выбор

данных мотивов обусловлен степенью актуальности проблемы для тех или иных возрастных групп. Люди среднего возраста имеют маленьких детей или подростков, естественно, их в большой мере волнует все, что связано со здоровьем, воспитанием, социализацией детей. Они чаще ссылаются на те или иные обстоятельства. Для тех, у кого проблема воспитания детей еще впереди или уже позади, указанные мотивы, очевидно, теряют свою остроту.

Связана ли мотивация ограничения детности с элементами репродуктивной установки? Отвечая на этот вопрос, мы посмотрели, какое среднее идеальное, желаемое, планируемое число детей в семье называют респонденты, указывающие ту или иную причину. Зависимости не обнаружено. Можно лишь отметить некоторое незначительное снижение среднего числа детей по трем названным показателям у тех, кто выбирает мотив «появление ребенка ограничит возможность заниматься любимым делом». Идеальное число детей в этом случае 1,8 против среднего по всем мотивам 2,1; планируемое — 1,0 против среднего 1,65; желаемое — 1,8, а в среднем 2,04. Таким образом, если человек убежден, что дети препятствуют любимому делу, это отрицательно влияет на его репродуктивную установку либо сдержанная установка формирует убеждение, что появление ребенка станет помехой любимым занятиям.

Несколько выше среднего для всех опрошенных указывают идеальное число детей в семье те, кто не уверен в прочности своего брака и сетует на легкомысленное отношение брачного партнера к семейным обязанностям. Очевидно, дети в этом случае расцениваются как средство стабилизации семейных отношений.

Не обнаружено какой-либо связи между реальным числом детей и мотивацией ограничения рождаемости. Единственный случай незначительного отклонения от средней величины для всех опрошенных — число детей у тех, кто состоит в браке и ссылается на здоровье и возраст (0,97 против среднего 1,06).

Наконец, нас интересовал вопрос, влияет ли мотивация ограничения детности на репродуктивные планы респондентов. В анкете был задан вопрос: «Предполагаете Вы иметь детей (или еще одного ребенка) в далеком или близком будущем?» Предусматривалось три варианта ответа: «да», «нет» и «затрудняюсь ответить».

Планирование ребенка мало зависит от мотива ограничения детности (коэффициент корреляции Пирсона, вычисленный для ответов мужчин, — 0,4, для ответов женщин — 0,38).

Некоторые мотивы сопровождаются различиями в процентных показателях утвердительно и отрицательно ответивших на этот вопрос мужчин и женщин. Указывая мотив «не позволяет здоровье, возраст», 9,5% мужчин и 12,2% женщин планируют иметь еще детей и соответственно 27,5 и 32,1% дают отрицательный ответ. Следовательно, можно сделать вывод, что данный мотив оказывает отрицательное влияние на увеличение семьи.

Иначе обстоит дело с теми, кто ссылается на жилищные условия: 28,4% мужчин и 20,4% женщин намерены иметь детей, зная, что их бытовые условия в настоящее время являются тому помехой, а 14,5% мужчин и 9,8% женщин, ссылаясь на жилищные условия, не планируют рождение детей. Следовательно, те, у кого эти условия хуже, еще не осуществили своих репродуктивных планов.

Ссылка на материальное положение одинаково часто имеет место и при условии, если респондент планирует иметь ребенка (14,9% мужчин и 9,1% женщин) и если не планирует его иметь (соответственно 16,3 и 10%). При таком мотиве, как «женщина занята на производстве», люди несколько чаще не собираются иметь детей.

Таким образом, были рассмотрены в общих чертах мотивы ограничения детности, которые указали наши респонденты. Вопрос теперь заключается в том, чтобы с известной долей условности определить степень их объективности — субъективности и побудительную силу в демографическом поведении тех или иных групп опрошенных. С этой целью следует сопоставить объективные *факты* и *мотивы* регулирования рождаемости.

ЗДОРОВЬЕ И ВОЗРАСТ

Ранее было показано, что среди 15 наиболее вероятных отдельно рассматриваемых причин ограничения детности на первом месте оказались медико-биологические. Доля этой группы причин у мужчин, начиная с 35—39 лет (10,4%), увеличивается: в возрасте 40—44 года она составила 23,8%, в 45—49 лет — 59,2%. У

остальных возрастных групп мужчин процент указавших на медико-биологические причины незначителен. Женщины на эти причины начинают ссылаться с более молодого возраста, а подъем кривой «круче»: в возрасте 30—34 года — 10,2% числа всех причин, в 35—39 лет — 20,8%, в 40—44 года — 37,2%, в 45—49 лет — 71,5%. Очевидно, это в основном обусловлено тем, что женщины больше подвержены заболеваниям. Так, по данным И. Величкене, проводившей исследование заболеваемости работающих женщин в г. Каунасе, в течение года женщины в основном болеют чаще мужчин (разница статистически недостоверна лишь в группе до 24 лет). С увеличением числа детей в семье работающая мать болеет чаще, чем отец. Число случаев и дней нетрудоспособности после образования семьи у женщин (в расчете на 100 работающих) увеличивается в полтора раза, а у мужчин уменьшается (среди мужчин чаще всего болеют холостяки в возрасте до 24 лет)[1].

Вполне объективен тот факт, что с возрастом увеличивается процент ссылок на здоровье, как на причину ограничения детности. Ведь здоровье с годами ухудшается. Так, по данным выборочного обследования, проведенного в Ленинграде, уровень заболеваемости хроническими болезнями женщин репродуктивного возраста достаточно высок. Число обращений (на 1000 женского населения) увеличивается в возрасте 40—49 лет по сравнению с 15—19 годами: по поводу болезней эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ более чем в 13 раз, нервной системы и органов чувств — в 6 раз, органов кровообращения — в 16 раз, органов дыхания — в 2 раза, пищеварения — почти в 6 раз, болезней мочевых органов — в 6 раз, заболеваний неврозами и психозами — в 8 раз, у женщин старше 30 лет наблюдается ухудшение показателей физического здоровья[2].

Разумеется, состояние здоровья, особенно женщины, отражается на рождаемости. Расчеты, сделанные на основании материалов Ленгорздравотдела, позволили ус-

---

[1] См.: *Величкене И.* Анализ заболеваемости с временной утратой трудоспособности рабочих шерстяной фабрики «Дробе» за 1962—1966 гг. Автореф. канд. дис. Каунас, 1968, с. 7—10.

[2] См.: *Поляков И. В., Бойко В. В.* К вопросу изучения медико-социальных причин ограничения рождаемости. — Здравоохранение Российской Федерации, 1979, № 3. с. 17—21.

тановить, что в 1971 г. на 1000 ленинградских женщин приходился 1,0 аборт, произведенный по медицинским показаниям, на 1000 женщин репродуктивного возраста — 1,85 аборта. Подавляющее большинство сделавших аборты по медицинским показаниям (69%) были старше 30 лет. Гипотетические расчеты показывают, что если бы удалось устранить выявленные причины бесплодия и предупредить заболевание, послужившее медицинским показанием для производства аборта, то при условии, что изученные женщины согласились бы родить двоих детей, можно было бы ожидать некоторое повышение общего показателя рождаемости[1].

Представляется, что улучшение здоровья женщин, несомненно, будет способствовать решению проблемы воспроизводства населения Ленинграда.

По данным О. Е. Чернецкого, уровень заболеваемости женщин с последствиями, которые могли в первые 5 лет брака повлиять на репродуктивную функцию семьи в городской когорте первобрачных, составил 316,9 случая на 1000 женщин. В течение первых 5 лет брака в семьях, в которых оба супруга были здоровы, было в среднем больше рождений детей, чем в семьях, где один или оба супруга болели[2].

С другой стороны, состояние здоровья супругов сказывается и на их репродуктивной установке. По данным О. Е. Чернецкого, здоровые первобрачные хотели иметь больше детей (1,8), чем супруги больные (1,64)[3]. Исследование, проведенное в Алма-Ате, выявило корреляционную связь между показателями здоровья женщин, фактическим и планируемым числом детей в семье. Здоровые женщины значительно реже (2,5 на 100 обследованных), чем больные (4,8 на 100), не имели детей и реже планировали иметь только одного ребенка (22,6% — из числа здоровых женщин и 30,1% — из числа больных)[4].

---

[1] См.: *Поляков И. В., Ковалева А. П.* К социально-гигиеническим характеристикам абортов в Ленинграде. — Советское здравоохранение, 1976, № 12.

[2] См.: *Чернецкий О. Е.* Зависимость уровня рождаемости от некоторых социально-экономических факторов и состояния здоровья супружеских пар. — Здравоохранение Российской Федерации, 1973, № 6, с. 11—12.

[3] См.: *Чернецкий О. Е.* Указ. соч.

[4] См.: *Серенко А. Ф., Каткова И. П.* Медико-социальные аспекты проблемы рождаемости в СССР. — В кн.: Методологические проблемы изучения народонаселения в социалистическом обществе. М., 1973, с. 359—364.

Правдоподобность ссылок на здоровье у мужчин и женщин, однако, не снимает вопроса о подлинности — мнимости этого мотива в конкретных случаях. Многие из заболеваний при современном состоянии здравоохранения и медицинской науки не являются непосредственной причиной, мешающей иметь детей. И разве здоровье современного поколения ухудшилось по сравнению с предшествующими, чтобы считать его первостепенной причиной снижения рождаемости? Напротив, в условиях социализма здоровье людей зависит от все возрастающего благосостояния трудящихся и возможности свободного творческого труда, благотворно воздействующего на физическое и психическое состояние человека-труженика[1]. За последние 60—70 лет произошли большие положительные сдвиги в здоровье женщин. Не нужно специальных доказательств о больших успехах в СССР в деле охраны материнства и детства. Средняя продолжительность жизни женщин в СССР увеличилась с 33 лет в 1896—1897 гг. до 74 лет в 1971—1972 гг.[2]

Принимая во внимание эти бесспорные факты, следует признать, что в ряде случаев ссылка на здоровье обусловлена субъективными моментами. Она является либо удобным доводом для прикрытия сложившегося мнения о необходимости малодетной семьи, либо следствием высоких требований, предъявляемых современными людьми к своему здоровью. При этом надо иметь в виду, что здоровье — понятие как субъективное, так и объективное. Как показали дополнительно проведенные нами интервью с участниками анкетного опроса, чем старше люди, тем чаще они ссылались на здоровье, имея в виду свое общее психическое состояние, которое возникло как следствие интенсивного ритма современной жизни. Для женщин подобное состояние является результатом двойной нагрузки — работы на производстве и дома. Не случайно, согласно нашим данным, высока доля ссылающихся на здоровье и возраст среди работниц неквалифицированного и квалифицированного труда (соответственно 22,6 и 23,1%), работниц сферы

---

[1] См.: *Беляев И. И.* Очерки психогигиены. М., 1974.

[2] См.: Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 137.

обслуживания (29,8%), преподавательниц вузов и техникумов (26,6%), среди работающих в госучреждениях (29,6%), у женщин-учителей и врачей (20,4%).

Общее психическое состояние — не единственный мотив, в соответствии с которым многие респонденты отметили состояние здоровья как фактор, сдерживающий рождаемость. Всякий человек, планируя какие-либо события в своей жизни, рассчитывая их вероятность, оценивает при этом свои чувства: оправдает ли затрата усилий приятность того, что он хочет получить. Этот поправочный коэффициент на вероятность ожидания всегда присутствует в наших расчетах.

Как уже отмечалось, упреждающая мотивация материнства и отцовства ограничена у многих ассоциациями с малоприятными и трудоемкими фазами воспитания и ухода за детьми. Именно в расчете на них человек прикидывает «поправочный коэффициент здоровья». Фактическое самочувствие при этом может быть хорошее, но в контексте вопроса о планировании деторождения у некоторых респондентов появляются субъективные критерии здоровья. Это особая форма оправдания своего репродуктивного поведения перед общественным мнением.

Но, как нам кажется, независимо от того, подлинной или мнимой в устах респондента является ссылка на здоровье как фактор, сдерживающий рост семьи, этот мотив обладает большой побудительной силой. Достаточно человеку лишь подумать о том, что какие-либо его добровольные действия повлекут неприятные осложнения для здоровья, как его поведение приобретает защитный, избегающий риска характер.

Итак, в контексте демографического поведения здоровье следует рассматривать как особое состояние, как важную жизненную ценность, обеспечивающую возможность выполнения всех социальных функций и прежде всего оптимальную трудоспособность, радостное мироощущение, готовность воспитывать детей.

Многие из тех, кто указывал на медико-биологическую причину ограничения детности, подразумевали свой возраст. Начиная с 25 лет, по нашим данным, проявляется следующая закономерность: чем старше возраст людей, тем чаще он становится мотивом ограничения рождаемости. Статистика подтверждает подлинность этого мотива. Так, по сравнению с 1938—1939 гг.

суммарный коэффициент рождаемости в СССР в 1973—1974 гг. был меньше на 45%, но при этом в возрастной группе 20—34 года он уменьшился на 38%, а в группе 35—49 лет — на 72%[1]. Как было отмечено, в Ленинграде также наблюдается тенденция сокращения числа рождений у женщин старше 30 лет. В крупных промышленных центрах нашей страны дело осложняется тем, что молодые люди, стремясь реализовать жизненные планы, не только ограничивают период рождаемости, но и затягивают с рождением первенца.

К мотивам, ограничивающим рождаемость, относятся и ссылки на учебу, на необходимость овладеть специальностью. Так, в возрасте 20—24 года эти мотивы составляют свыше 50% у мужчин и более 29% у женщин. Мотивация вполне объективная, так как сроки наступления социальной зрелости личности (получение образования, достижение экономической самостоятельности, занятие определенной общественной позиции) все более затягиваются. Такова особенность развития личности в современном обществе. Но для демографических процессов данное обстоятельство имеет неблагоприятные последствия.

Период человеческой жизни, когда рождаются дети, сознательно все более ограничивается. И это обусловлено, как правило, социально-психологическими причинами. Многое зависит от того, какие у человека планы, какие ценности и в какой последовательности он стремится овладеть ими, какое значение придает детям в личной жизни.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ

Теперь рассмотрим, какие побудительные силы заставляют человека сказать, что жилищные условия препятствуют рождению детей. Прежде всего сопоставим фактические данные и выясним, какова связь между жилищными условиями и рождаемостью.

Исследования, проведенные в СССР, показывают как прямую[2] зависимость между рассматриваемыми факто-

---

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 80.

[2] См.: *Вострикова А. М.* Некоторые данные о рождаемости в СССР. — Вестник статистики, 1962, № 12, с. 42; *Слесарев Г. А.* Методология социологического исследования проблем народонаселения СССР. М., 1965, с. 120; *Киселева Г. П., Таубер Н. А.* Демографичес-

рами, так и обратную[1]. Причину противоречивых выводов некоторые ученые справедливо усматривают в несовершенстве методического аппарата исследований. Кроме того, встречаются и другие недостатки при изучении этой зависимости.

Во-первых, изучая связь жилищных условий и рождаемости, некоторые исследователи имели дело с однородными группами населения, а другие — со смешанными. Недостаточно учитывался тот факт, что различный профессиональный и культурный уровень обследуемых лиц порождает своеобразие в системе потребностей, ценностей и установок, опосредующих влияние жилищных условий на рождаемость. Во-вторых, иные исследователи учитывали только один показатель — метраж на одного члена семьи или общий метраж, не уделяя должного внимания качественной стороне жилищных условий — типу жилища. В-третьих, при изучении жилищных условий порой игнорируется их динамика — изменчивость на различных этапах формирования семьи, что по-разному может влиять на рождение первого, второго и последующих детей. Наконец, существо выводов о наличии и характере зависимости между жилищными условиями и детностью во многом предопределяется ограниченностью математических методов выявления этой зависимости. В своем исследовании мы по возможности учитывали отмеченные недостатки.

Респонденты нашего основного опроса указывали тип и размер жилой площади на разных этапах формирования семьи: на время опроса, к моменту рождения первого и второго ребенка. Свыше 2000 опрошенных имели одного и более детей, в том числе 636 имели второго ребенка. Контингент респондентов, имевших более одного ребенка, оказался в нашей выборке небольшим. Однако есть смысл сделать предварительные выводы о взаимосвязи детности с жилищными условиями.

Рассмотрим первый показатель жилищных условий — *тип жилища.*

Жилищные условия семей к моменту рождения вто-

кое поведение населения г. Москвы (по материалам обследования). — В кн.: Проблемы народонаселения и трудовых ресурсов. Минск, 1974, вып. 5, с. 123—124 и др.

[1] См.: *Струмилин С. Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде. — В кн.: Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 186; *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости. М., 1973, с. 68; *Давтян Л. М.* О зависимости между благосостоянием и рождаемостью. — В кн.: Проблемы демографической статистики. М., 1966, с. 153 и др.

рого ребенка значительно изменяются по сравнению с условиями на момент рождения первенца: а) доля семей, проживающих в общежитии и снимающих жилплощадь частным образом, уменьшилась более чем в 2 раза (с 17,2 до 8,2%); б) доля семей, занимающих одну комнату совместно с другими родственниками, сократилась в 1,6 раза (с 22,1 до 13,8%); в) число семей, живущих в квартире совместно с родственниками или в одной комнате коммунальной квартиры, существенно не изменилось; г) процент семей, имеющих две комнаты в коммунальной квартире, увеличился в 1,5 раза (с 5,2 до 7,5%); д) доля семей, которые проживают в отдельных квартирах, увеличилась в 2,3 раза (с 11,9 до 25%). При этом следует отметить, что процент семей, имеющих однокомнатные квартиры, практически не изменился, тогда как доля семей, проживающих в двухкомнатной квартире, возросла в 3 с лишним раза (с 4,1 до 14,2%), а доля семей, занимающих трехкомнатные квартиры, — почти в 3 раза (с 2,3 до 6,3%).

Данные свидетельствуют о том, что жилищные условия перед рождением второго ребенка были значительно лучше, чем на момент рождения первенца. В этом смысле, по нашему мнению, нельзя отрицать положительного влияния на рождаемость улучшения жилищных условий. (Все отмечаемые различия статистически значимы по критерию достоверности различий выборочных долей.)

При этом надо отметить, что второй ребенок у тех или иных социально-профессиональных групп рождается в том случае, если жилищные условия не только улучшаются, но меньше варьируются по типу жилища. Об этом наглядно свидетельствует специально разработанный нами коэффициент равномерности заполнения матрицы с различными по типу условиями у тех или иных социально-профессиональных групп[1]. Этот коэф-

[1] Коэффициент (Q) представляет собой среднее квадратичное отклонение величины элементов матрицы от величины элементов матрицы такой же размерности при ее равномерном заполнении той же самой суммой всех элементов:

$$Q = \frac{\sum\limits_{ij}\left(\frac{a_{ij}}{\bar{a}}-1\right)^2}{\widetilde{mn}}.$$

При этом отклонение выражено не в исходных единицах a_{ij}, но в «элементах равномерно заполненной мат-

фициент математически иллюстрирует известный из практики вывод о том, что первенец появляется при любых жилищных условиях (чем больше коэффициент, тем больше вариаций жилищных условий у респондентов, тем меньше выражена типичность этих условий). На момент рождения второго ребенка коэффициент уменьшается: в среднем с 14,39 до 2,97, особенно у врачей и учителей, что свидетельствует о более выраженной типизации их жилищных условий по сравнению с условиями к моменту рождения первенца. Несколько менее выражена такая типизация у квалифицированных и неквалифицированных рабочих, творческих работников.

Таким образом, между вероятностью появления второго ребенка в семье и качественным показателем жилищных условий существует определенная взаимосвязь. Но это не дает основания игнорировать желания супругов увеличить семью. С момента рождения первого ребенка до времени опроса жилищные условия улучшились в большинстве семей, однако вторые дети появились лишь у некоторой их части. В исследованиях, проведенных в ряде городов СССР, также обнаружилось, что с улучшением жилищных условий подавляющая часть семей остается в прежнем составе. С другой стороны, данные показывают, что второй ребенок рождается в семье нередко в тех же жилищных условиях, что и первый, а квартирные условия улучшаются после его появления. Иначе сказать, в ряде случаев не улучшение жилищных условий стимулирует рост рождаемости, а увеличение размеров семьи влечет за собой улучшение жилья.

Второй показатель, рассмотренный нами, — *метраж, приходящийся на одного человека.*

Представление о зависимости числа детей в семье от размеров жилой площади дают различного рода корреляционные показатели. Нами использовано четыре вида коэффициентов. Прежде всего получено два стандартных коэффициента линейной корреляции по Пирсону. Первый показывает величину связи *метража,* приходящегося на одного человека, и *числа детей* у респондента. Коэффициент будет высоким в том случае, если метраж на одного человека сильно влияет на число детей в семье и является одним из условий, определяющих это число.

Данные показывают, что нет связи между среднедушевым размером жилой площади и числом детей у респондента в зависимости от принадлежности к той или иной социально-профессиональной группе на любом этапе формирования семьи — на момент опроса, рождения первенца или рождения второго ребенка. В двух последних случаях наблюдается слабая обратная зависимость.

Второй использованный нами коэффициент показывает зависимость между величиной *метража,* приходящегося на человека, и *средним числом детей у респондентов, имеющих одинаковый метраж.* Коэффициент менее первого чувствителен к побочным причинам, влияющим на детность. Он показал в целом для всех опрошенных положительную, но незначительную связь двух рассматриваемых величин (0,41). Однако этот показатель меняется у различных профессиональных групп опрошенных: наиболее высокая и достаточно тесная связь между среднедушевым размером жилой площади и средним числом детей у людей, имеющих идентичную площадь, у неквалифицированных рабочих (0,7), самая низкая и отрицательная связь у служащих госучреждений (—0,21)[1].

Если рассматривать взаимосвязь метража, который был к моменту рождения первенца, со средним числом детей у респондентов на момент опроса, то коэффициент несколько меняется. Зависимость больше у преподавателей вузов и техникумов (0,71), учителей и врачей (0,67), квалифицированных рабочих (0,62), т. е. чем больше был метраж на момент рождения первенца у этих групп, тем больше у них детей на момент опроса.

Метраж на одного человека к моменту рождения второго ребенка и среднее число детей в семье находят-

---

рицы» $\bar{a}$, где $\bar{a} = \frac{\sum_{ij} a_{ij}}{m\tilde{n}}$; m — число строк матрицы a; n — число столбцов матрицы a.

[1] Приведенные данные частично объясняют то обстоятельство, что в ряде исследований ученые получают разные по величине показатели зависимости между размером жилой площади на человека и числом детей: эти показатели в какой-то мере обусловлены природой коэффициента сравнений, а также социально-профессиональными признаками опрашиваемых. Каждый исследователь может оказаться правым по отношению к наблюдаемой им совокупности.

ся в отчетливо выраженной обратной зависимости у всех групп. Это означает, что второй ребенок чаще появляется в семьях, где размер жилой площади, приходящейся на одного человека, меньше.

Данные, таким образом, свидетельствуют о том, что при определении зависимости рождаемости от размеров жилья следует обращать внимание на то, сколько детей в семье — один или два. Особенности выборки по этому параметру предопределяют характер взаимосвязи двух изучаемых величин.

Третий коэффициент, рассчитанный нами, показывает *равномерность обеспеченности жилплощадью* того или иного размера разных групп опрошенных на момент появления первенца, второго ребенка и на период опроса. Вариации этого показателя невелики, и это свидетельствует о том, что самые разные варианты метража, приходящегося на одного человека, встречаются одинаково часто у всех опрашиваемых и на всех этапах формирования семьи.

Наконец, четвертый использованный нами показатель — коэффициент сопряженности Чупрова, выявляющий зависимость, даже если она *не линейного характера,* показывает, что два изучаемых параметра — детность и среднедушевой метраж вероятностно-независимые.

Таким образом убеждаемся, что качество жилищных условий (тип жилища) имеет сравнительно большее влияние на рождение второго ребенка, чем количественный показатель — метраж на одного члена семьи.

В ходе исследования нами была высказана также гипотеза о том, что появлению вторых детей могут способствовать не только определенные жилищные условия. Для семьи важны еще и те *изменения в жилищных условиях,* которые произошли с момента рождения первенца на момент рождения второго ребенка. Было обнаружено три типа таких изменений.

Для первого типа изменений характерно: а) значительное уменьшение доли лиц, не имеющих собственной жилплощади (т. е. живущих в общежитии, на частной квартире, на площади родственников); б) доля лиц, имеющих одну комнату в коммунальной квартире, не меняется; в) увеличивается доля семей, имеющих двухкомнатные (главным образом) и трехкомнатные отдельные квартиры; г) наблюдается слабая тенденция

к увеличению доли семей, живущих в двух комнатах коммунальной квартиры; д) увеличивается доля семей, где метраж на одного человека несколько превышает жилищную норму и составляет 10—12 кв. м[1]. Такой тип изменений жилищных условий характерен в основном для семей работников сферы обслуживания, ИТР, учителей и врачей.

Можно полагать, что у представителей перечисленных групп наличие двухкомнатной квартиры и двух комнат в коммунальной квартире, а также некоторый излишек жилой площади является стимулом для появления второго ребенка в семье. Тот факт, что имеется некоторый процент семей, где второй ребенок рождается в менее благоприятных жилищных условиях (одна комната в коммунальной квартире, квартира совместно с родственниками), не противоречит нашему предположению, поскольку большинство этих семей, как показывает исследование, состоит на очереди для получения отдельной квартиры и, очевидно, рассчитывает в скором времени улучшить жилищные условия.

Второй тип изменений жилищных условий присущ семьям творческих работников и преподавателей вузов и техникумов. Ему характерно: а) значительное уменьшение доли семей, не имеющих собственной жилой площади; б) уменьшение доли семей, живущих в одной комнате коммунальной квартиры; в) некоторое увеличение доли семей, имеющих две комнаты в коммунальной квартире (статистически не значимо); г) увеличение доли семей, живущих в отдельных двух- и трехкомнатных квартирах.

Третий тип изменений жилищных условий отмечается у квалифицированных и неквалифицированных рабочих и служащих госучреждений. Он выражается: а) в уменьшении доли опрашиваемых, не имеющих собственной жилплощади; б) в увеличении доли семей, проживающих в одной и двух комнатах коммунальной квартиры; в) в увеличении доли семей, имеющих от-

[1] Последний вывод согласуется с исследованиями других авторов. Так, В. М. Добровольская обнаружила, что частота рождения второго ребенка в семьях СССР повышается с приближением обеспеченности семьи жилой площадью к санитарной норме, которая составляет 9 кв. м (см.: *Добровольская В. М.* Жилищные условия и демографическое поведение. — В кн.: Семья и жилая ячейка (квартира). М., 1974).

дельные квартиры (особенно у квалифицированных и неквалифицированных рабочих).

Указанные различия в изменениях жилищных условий на момент рождения второго ребенка по сравнению с моментом появления первенца дают основание предположить, что, вероятно, различны также требования представителей тех или иных групп населения, предъявляемые к жилищным условиям в связи с планированием вторых детей. Так, преподаватели, творческие работники, ИТР, очевидно, считают, что при появлении второго ребенка у них должна быть двухкомнатная квартира или, по крайней мере, две комнаты в коммунальной квартире. Учителя и врачи, работники сферы обслуживания, вероятно, предъявляют к жилищным условиям аналогичные требования, тем не менее обзаводятся вторым ребенком и в тех случаях, когда желаемых условий еще нет, но есть возможность получить их в ближайшем будущем. У служащих госучреждений, квалифицированных и неквалифицированных рабочих, по-видимому, нет столь определенных требований к жилищным условиям. Они считают возможным рождение второго ребенка уже в том случае, если есть определенный жилищный минимум: отдельная комната в коммунальной квартире.

Такова фактическая зависимость рождаемости от жилищных условий опрошенных нами респондентов[1]. Теперь посмотрим, как влияет обеспеченность жильем на мотивацию репродуктивного поведения.

«Не позволяют жилищные условия» — этот мотив ограничения детности, как видно из табл. 8, оказался у всех опрошенных, вместе взятых, на втором месте (15,3% числа всех причин). Мужчины называют его чаще женщин (разница 4,2%). Некоторые вариации наблюдаются в зависимости от социально-профессиональной принадлежности опрошенных. Жилищные условия составляют 25,3% среди всех причин у служащих госучреждений, 22,8% у неквалифицированных рабочих, 16,7% у домохозяек. Доля этого мотива меньше у творческих работников (11,2%), преподавателей (11,9%), учителей и врачей (14,1%), студентов (12,4%).

[1] Более подробно см.: *Киселев В. М., Федотова Н. Ф.* Жилищные условия семьи и рождаемость. — В кн.: Социологические проблемы планирования социалистического города, с. 137 —146.

В какой же мере ссылка на жилищные условия объективна в устах опрошенных? Прежде всего выясним, имеется ли соответствие между фактическими жилищными условиями различных социально-профессиональных групп и частотой ссылок на эти условия как на фактор, препятствующий увеличению размеров семьи. Отчетливо проявляется следующая закономерность: мотив встречается тем чаще, чем больше доля живущих в коммунальных квартирах, чем меньше метраж на человека имеет семья. Подобная мотивация вполне согласуется со здравым смыслом и реальными условиями, поэтому ее можно признать объективной.

Объективно и то, что ссылки на жилищный мотив значительно чаще встречаются в молодом и среднем возрасте. Около 16% респондентов в возрасте до 20 лет указывают его, в 21—39 лет — около 20%. Наши данные свидетельствуют о том, что в этих возрастах еще значительна доля лиц, не имеющих достаточно удовлетворительных жилищных условий.

Однако есть определенная часть респондентов, которые необъективно указывают на свои жилищные условия как на помеху увеличения рождаемости. Некоторые опрошенные в возрасте сниженной биологической плодовитости (40—49 лет), когда дети рождаются уже редко, игнорируя это обстоятельство, ссылаются на то, что им якобы мешают иметь детей жилищные условия. Об этом заявляют 12,3% мужчин и 9,6% женщин в возрасте 40—44 лет, 10,2% мужчин и 3,5% женщин в возрасте 45—49 лет. Мотив в данном случае не объективен. Не исключено, что некоторые респонденты указанного возраста имеют малоудовлетворительные жилищные условия, но вряд ли это может влиять на решение рожать детей. Мы присоединяемся к точке зрения В. А. Борисова относительно того, что положительное влияние на рождаемость, которое может оказать повышение степени удовлетворения жилищных потребностей, ограничено некоторым верхним пределом — желаемым числом детей. Если желаемое число детей в семье достигнуто (а оно может быть равно и нулю), то даже полное удовлетворение жилищных потребностей не приведет к повышению рождаемости[1]. В. А. Борисов

[1] См.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости, с. 153.

12 Заказ 1544

предлагает исследователям проверить это положение, сопоставив степень удовлетворения жилищными условиями с представлениями об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей в семье.

В целом, разделяя этот взгляд, хотелось бы уточнить его. Даже если желаемое число детей в семье не достигнуто, удовлетворение потребностей в жилье далеко не всегда приведет к увеличению детности, поскольку потребность в детях мотивирована и иными факторами. Не случайно наши данные показывают, что представления о желаемом, идеальном, ожидаемом числе детей не меняются в зависимости от мотивов ограничения детности вообще и от жилищного мотива в частности.

Таким образом, репродуктивное поведение зависит не только от жилищных условий, но и от прочих потребностей. Вот еще одно тому доказательство. На вопрос: «Предполагаете Вы иметь детей (еще одного ребенка) в далеком или близком будущем?» — 31,4% респондентов, сославшихся на жилищный мотив ограничения детности, ответили утвердительно, 33% — отрицательно, остальные затруднялись дать ответ. Эти данные убеждают, что улучшение жилищных условий как инструмент демографической политики следует рассматривать дифференцированно — в зависимости от намерения семьи иметь то или иное число детей и в зависимости от того, являются ли именно жилищные условия сдерживающим фактором.

Чем же объяснить тот факт, что в отдельных случаях (например, в старших возрастных группах) мы сталкиваемся с неадекватной мотивацией ограничения детности? Не парадоксально ли то, что ссылки на жилищные условия имеются, а объяснить их фактами не удается?

По всей вероятности, некоторые респонденты ссылаются на жилищные условия не потому, что они препятствуют намерениям увеличить число детей в семье. Скорее ссылки вызваны тем, что, воспользовавшись анкетным опросом, человек оценивает ситуацию вообще, «за других», либо с точки зрения удовлетворенности этими условиями и имеющимся составом семьи. Возможно, некоторые люди, не собирающиеся увеличивать семью, в предложенной ситуации дают ответ для гипотетической ситуации: если бы новый член семьи появился, то это

ухудшило бы жилищные условия. В свою очередь, на ответ в подобной ситуации непременно должны сказаться притязания личности, ее представления о себе, о домашнем комфорте и т. д. Все это свидетельствует о том, что здесь присутствует психологический фактор, который вносит «сбой» в логику респондентов, не собирающихся иметь детей, но ссылающихся на жилищные условия. Статистика мотива становится неубедительной, но в то же время психологически оправданной.

О психологической природе выбора мотива свидетельствует, как нам кажется, и тот факт, что мужчины и женщины по-разному воспринимают условия, в которых живут. Мужчины чаще выдвигают жилищные условия как фактор ограничения детности (соответственно 17,4 и 13,2% всех причин). Очевидно, дело в субъективности оценок одних и тех же в среднем жилищных условий.

В демографической литературе уже встречались ссылки на то обстоятельство, что люди оценивают свои жилищные условия, руководствуясь субъективными представлениями. Именно этим объясняется временной «сдвиг оценок» имеющихся условий. Если сравнивать результаты обследований 1966 и 1969 гг., проведенных в Москве, то мы увидим, что доля считавших свои жилищные условия неудовлетворительными увеличилась в 2 раза. По-видимому, в сложившейся ситуации одна и та же семья, живущая в прежних условиях, еще несколько лет назад считала свои жилищные условия вполне приемлемыми, а сейчас (когда многие из ближайшего окружения улучшили свои жилищные условия) уже находит их неудовлетворительными[1]. Это естественный для советских людей сдвиг потребностей: растут дети, меняется содержание интересов личности, досуга, человек покупает в дом современную мебель, телевизор и магнитофон, заводит библиотечку для себя и для детей, нередко ему нужен кабинет для работы или уголок для любимых занятий. Все это (а не только дети) предполагает потребность в увеличении жилой площади.

За годы девятой пятилетки жилищные условия улучшены 56 млн. человек, что позволило перейти в основ-

[1] См.: *Белова В. А., Дарский Л. Е.* Статистика мнений в изучении рождаемости, с. 123.

ном к распределению новой площади по принципу: квартиру — одной семье[1]. В десятой пятилетке продолжается в больших масштабах жилищно-коммунальное строительство. Предусматривается построить за пятилетие жилые дома площадью 545—550 млн. кв. метров[2], что обеспечит улучшение жилищных условий еще более чем 50 млн. советских граждан. Но потребности в жилище еще ощутимы. Зависимость между духовными интересами личности и ее бытовыми запросами хорошо понимается в нашем государстве. Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г. отметил в этой связи: «Ежедневно у нас в стране получает новые квартиры или улучшает свои жилищные условия около восьми тысяч семей, — ежедневно, товарищи! А проблема жилья остается весьма острой. В чем же дело? А дело в том, что по сегодняшним стандартам, как правило, речь идет уже не просто о жилой площади, а об отдельных квартирах со всеми удобствами для каждой семьи, да еще при сохранении самой низкой в мире квартплаты»[3].

Распространенность ссылок на жилищные условия как причину ограничения рождаемости можно объяснить еще и тем, что некоторая часть респондентов в хороших бытовых условиях видит особую ценность. Об этом убедительно свидетельствует тот факт, что отдельная квартира расценивается как одно из первостепенных условий счастливой семейной жизни. Как уже отмечалось, большинство опрошенных отводят этому условию второе место среди ценностей семейного счастья. Причем выбор профессиональными группами опрошенных отдельной квартиры в качестве условия счастья связан с выбором жилищного фактора в качестве мотива ограничения детности. (Коэффициент корреляции Спирмена 0,62). Чем выше доля лиц, не имеющих отдельной квартиры, тем большее число опрошенных из этой группы называют одним из основных условий семейного счастья отдельную квартиру (показатель корреляции 0,68).

---

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 114.

[2] Там же, с. 122.

[3] *Брежнев Л. И.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. — Коммунист, 1969, № 9, с. 73.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ

Рассматривая влияние материального фактора на рождаемость, а также обоснованность ссылок на него как на мотив ограничения детности, прежде всего обратимся к объективным данным. На момент опроса, к моментам рождения первого и второго ребенка учитывались два показателя: среднемесячный заработок респондента и средний душевой доход (без налогов, включая все виды зарплат, пенсии, алименты и помощь родных)[1].

В плане статистической обоснованности среднемесячный заработок респондента менее пригоден для целей изучения связи дохода с рождаемостью, поскольку он не отражает истинного материального положения семьи. Бюджет семьи складывается из доходов всех работающих, получающих пенсию, имеющих непостоянный заработок членов семьи. Однако среднемесячная заработная плата — показатель официальной статистики; кроме того, для каждого человека она имеет определенное значение не только в совокупном доходе семьи, но выступает как индикатор достижений личности, ее психологического комфорта. В обыденном сознании такие понятия, как «оклад», «зарплата», тесно связаны с представлениями о материальном благополучии семьи, в реальной жизни люди чаще оперируют ими, чем статистикой душевого дохода. Поэтому имеет смысл посмотреть, какова связь рождаемости с заработной платой.

В среднем у всех опрошенных, по нашим выборочным данным 1973—1974 гг., к моменту появления второго ребенка зарплата увеличивается со 108,9 до 121,4 руб., т. е. на 12,5 руб.

В репродуктивном поведении опрошенных в соответствии с уровнем зарплаты можно обозначить зону ин-

---

[1] В советской литературе дискуссионным является вопрос о том, какие показатели материальной обеспеченности семьи следует учитывать при рассмотрении связи дохода с рождаемостью. Ряд авторов склоняются к тому, что меньшими недостатками обладает показатель душевого дохода, полученный с исключением новорожденного из состава семьи (см.: *Таубер Н. А.* Условия жизни семьи и среднее число детей. — В кн.: Демографический анализ рождаемости. М., 1974; *Сифман Р. И.* Рождаемость и материальная обеспеченность. — В кн.: Рождаемость. М., 1976 и др.).

тенсивного рождения первенцев и зону, когда чаще всего появляются вторые дети.

Наибольшая доля первенцев (25,4%) рождается в семье тогда, когда зарплата респондента минимальна. Именно в этот период функционирования семьи чаще всего рождаются первенцы у творческих работников (21,6%), учителей и врачей (27%), преподавателей (19,9%). Представители этих групп на момент рождения первого ребенка, очевидно, еще были студентами или находились на начальном этапе своей профессиональной деятельности. Возможно, материальные трудности этой поры в последствии негативно сказываются на репродуктивном поведении данных контингентов населения: впредь они в основном не обзаводятся вторыми или третьими детьми, стремясь сохранить достигнутый материальный уровень жизни.

Вторые дети (21,7% общего числа двухдетных респондентов в нашей выборке) чаще появляются при размере заработка 91—110 руб. При всех прочих вариациях среднемесячной зарплаты вторые дети рождаются значительно реже. Лишь при зарплате 171—190 руб. и выше имеет место некоторое незначительное повышение числа рождений.

Теперь обратимся к данным, характеризующим среднедушевой доход у различных групп опрошенных на те или иные фазы формирования семьи. У одних групп к моменту появления второго ребенка имеют место положительные перемены — доход на одного члена семьи увеличивается, очевидно, за счет роста заработной платы супругов. Такого рода сдвиг доходов отмечается у творческих работников и преподавателей. Но у большинства групп душевой доход на момент рождения второго ребенка снижается, особенно заметно у неквалифицированных и квалифицированных рабочих, служащих госучреждений. В целом у всех опрошенных доход снижается с 80 руб. на момент рождения первенца (т. е. когда семья меньше по размерам) до 73,5 руб. на момент рождения второго ребенка (т. е. когда в семье уже учитывается первенец). Такая же тенденция была вскрыта и в других исследованиях, проведенных в СССР[1].

---

[1] См.: *Шлиндман Ш., Звидриньш П.* Изучение рождаемости. М., 1973, с. 61—62.

Общее представление о взаимосвязи среднемесячного душевого дохода с детностью дают различные коэффициенты корреляции. Зависимость *среднедушевого дохода и числа детей в семье* преимущественно слабая (коэффициент Пирсона). На момент опроса, где представлены состоящие в браке опрашиваемые с различным числом детей и бездетные, этот показатель имел положительное значение у неквалифицированных рабочих, работников сферы обслуживания (0,25 и 0,30), преподавателей и служащих госучреждений (0,14 и 0,17), ИТР и квалифицированных рабочих (0,07 и 0,12 соответственно). Для учителей и врачей (—0,1) и творческих работников (—0,29) имеем отрицательную зависимость, хотя величина ее очень мала, практически не существенная[1].

Если сравнивать зависимость среднедушевого дохода и числа детей в семье на моменты рождения первого и второго ребенка, то следует отметить, что отрицательное направление связи дохода с детностью проступает отчетливее. Однако величина корреляции во всех случаях незначительна, и это свидетельствует о том, что доход, приходящийся на человека, не является главной переменной, от которой зависит число детей в семье.

Теперь посмотрим зависимость (коэффициент Пирсона) *среднедушевого дохода и среднего числа детей у респондентов, указавших одинаковый размер дохода.* Это обобщенный показатель. Он ведет себя по-разному, если сравнивать различные этапы формирования семьи. К моменту рождения первенца имеет место высокая прямая связь изучаемых параметров: чем больше был доход на момент рождения первенца, тем больше детей в семьях респондентов теперь. Отсюда можно утверждать, что чем выше уровень материального обеспечения семьи на момент появления первого ребенка, тем больше вероятность того, что семья будет иметь второго и

---

[1] Наши результаты согласуются с итогами исследований, проведенных НИИ ЦСУ СССР, где была прослежена не однообразная связь между доходом и рождаемостью у групп с различным образованием. У женщин с образованием ниже среднего наблюдается четко выраженная прямая зависимость, у женщин с высшим образованием почти не наблюдается связи между числом рождений и доходом семьи (см.: *Сифман Р. И.* Рождаемость и материальная обеспеченность. — В кн.: Рождаемость, с. 91).

третьего ребенка. Это можно объяснить тем, что на первых порах существования эти семьи испытывают меньше трудностей, меньше эмоционального напряжения, по всей видимости, отрицательно сказывающегося на появлении вторых и последующих детей.

Коэффициент *линейной корреляции* Чупрова между среднедушевым доходом на момент рождения второго ребенка и средним число детей у респондентов, указавших идентичный доход, значителен по величине и отрицателен по знаку у всех групп. Это означает, что вторые дети чаще планируются в тех семьях, душевой доход которых меньше. Особенно это характерно для служащих госучреждений (—0,78) и неквалифицированных рабочих (—0,76).

Коэффициент *равномерности заполнения матрицы* показывает, что при рождении и первого и второго ребенка у различных социально-профессиональных групп встречаются самые разные размеры *заработной платы.* Иначе обстоит дело с вариациями *среднедушевого дохода.* Во-первых, они значительно ограничены как на момент рождения первенца, так и на момент рождения второго ребенка по сравнению с вариациями заработной платы. Во-вторых, на моменты рождения первенца и второго ребенка вариации душевого дохода у отдельных групп выражены различно. Например, квалифицированные рабочие придают меньше, чем другие, значение тому, какой у них в семье доход на человека, когда рождается первый ребенок, поскольку вариации среднедушевого дохода значительные. К моменту появления второго ребенка больше других уделяют внимание душевому доходу творческие работники (вариации среднедушевого дохода незначительны) и меньше — преподаватели вузов и техникумов.

Теперь посмотрим, как связаны между собой душевой доход у респондентов и различные показатели репродуктивной установки.

Нами рассчитан коэффициент ранговой корреляции Спирмена. У различных социально-профессиональных групп соответствие дохода и реального среднего числа детей незначительное (0,35). Зависимость между желаемым числом детей и душевым доходом отрицательная (—0,60), как и между планируемым числом детей и доходом (—0,67). Связь идеального числа детей в семье и душевого дохода положительная (0,41).

Полученные данные о взаимосвязи дохода и детности нельзя абсолютизировать. И не только потому, что наша выборка ограничена. Зависимость дохода и рождаемости исторически изменчива[1]. Не исключено, что в будущем направление связи между уровнем материального обеспечения и числом детей в семье может измениться. Такую точку зрения высказывают и ученые социалистических стран[2].

На современном этапе некоторые молодые семьи начинают свою жизнь не всегда в хороших жилищных условиях. Как показали наши данные, к 40 годам наступает «социально-экономическая зрелость» у большинства опрошенных, когда они имеют хорошие, по принятым стандартам, жилищные условия и доход на человека в семье, близкий к средним по выборке показателям. Затянутость экономического становления некоторых семей оказывает отрицательное воздействие на рождаемость. Р. И. Сифман обращала внимание на то, что лица с высшим образованием могут достигнуть по сравнению с лицами с низким уровнем образования относительно высокого заработка в более позднем возрасте, когда биологическая плодовитость уже ниже. Это может привести к более низким показателям рождаемости в этой группе[3].

Однако тенденция поздней стабилизации материальных условий жизни некоторой части семей, сопровождающаяся эмоциональными напряжениями, — временное явление в нашем обществе. По мере развития экономики страны, роста материального обеспечения советского народа в недалеком будущем и эта группа семей также будет иметь высокие доходы и хорошие жилищные условия.

Постоянное улучшение жизни советских людей видно из следующих данных. Если в 1965 г. только 4% населения СССР имело доход свыше 100 руб. в месяц на члена семьи, то к концу десятой пятилетки такой

[1] См.: *Сифман Р. И.* Рождаемость и материальная обеспеченность. — В кн.: Рождаемость, с. 76.

[2] См.: *Боровский С.* Некоторые теоретические проблемы исследования развития населения (на примере Польши). — В кн.: Воспроизводство населения социалистических стран. М., 1977, с. 123; *Сабади Э.* Население и экономика. — В кн.: Проблемы народонаселения (Над чем работают ученые социалистических стран). М., 1977, с. 25.

[3] См.: *Сифман Р. И.* Рождаемость и материальная обеспеченность. — В кн.: Рождаемость, с. 84.

доход будет иметь около половины населения. В среднем зарплата рабочих и служащих увеличится до 170 руб. в месяц. Так будет реализована установка XXV съезда КПСС на повышение материального уровня жизни трудящихся[1].

Повышение благосостояния народа означает, в частности, и то, что более обеспеченной становится молодая семья, постепенно сокращается период ее социально-экономической стабилизации. Однако рост благосостояния семьи должен сопровождаться снижением эмоциональных нагрузок. Демографическая политика должна учитывать это обстоятельство. Очевидно, в процессе становления семьи необходимо обнаружить «кризисные» точки эмоционального напряжения, обусловленные трудностями материально-бытового характера, и, учитывая желание супругов иметь детей, оказывать им бо́льшую материальную поддержку в эти периоды жизни.

Итак, мы ознакомились с объективными фактами, показывающими характер изменений уровня материальной обеспеченности на момент рождения первого и второго ребенка. Обратимся теперь к материальному мотиву ограничения детности.

«Появление ребенка ухудшит материальное положение семьи» — этот мотив ограничения детности, как видно из табл. 8, занимает у всех опрошенных третье место (13% среди всех причин). У мужчин в целом, а также у неквалифицированных рабочих, ИТР данный мотив выдвинулся на второе место среди прочих мотивов, у женщин в целом, домохозяек и квалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, студентов, работников сферы обслуживания — на третье место. Преподаватели вузов и техникумов, учителя и врачи поставили материальный мотив ограничения детности на четвертое место, творческие работники — на шестое. Преподаватели, студенты, учителя и врачи, творческие работники статистически значительно реже ссылаются на данный мотив по сравнению с неквалифицированными и квалифицированными рабочими.

Вариации материального мотива ограничения детности у отдельных возрастных групп статистически различаются. Так, в возрасте 30—39 лет мужчины значительно чаще ссылаются на этот мотив (около 19% числа всех причин), чем в возрасте до 20 лет (10%) и 45—49 лет (6,4%). В возрасте 21—39 лет наибольшее число ссылок как у мужчин (16—19%), так и у женщин (9—12%).

[1] См.: Материалы XXV съезда КПСС, с. 121.

Есть ли соответствие между материальным уровнем (среднедушевой доход) и частотой выборов мотива «появление ребенка ухудшит материальное положение семьи»? Логично предположить, что материальный мотив должны указать те респонденты, в семье у которых материальное положение хуже. Однако коэффициент ранговой корреляции Спирмена между данными о среднем душевом доходе и частотой ссылок на материальный фактор ограничения рождаемости оказался с отрицательным знаком (—0,34). Это свидетельствует о том, что число ссылающихся на материальный фактор больше числа тех, кто имеет сравнительно низкие показатели по среднедушевому доходу, или наоборот. Следовательно, те, у кого низкий доход, либо не отмечают соответствующий мотив, что менее вероятно, либо респонденты выбирают мотив независимо от их реального материального положения, придавая ему субъективный психологический смысл, что более вероятно.

Последний вывод подтверждается статистикой распределений мотива «появление ребенка ухудшит материальное положение семьи» в зависимости от среднедушевого дохода. Процент указавших мотив почти одинаков при разных вариациях дохода.

Ряд исследователей также отмечали, что объективные материальные условия не всегда совпадают с их субъективной оценкой. Г. Киселева и И. Рылкова в этой связи подчеркивают, что, как правило, с увеличением дохода, улучшением условий жизни возрастают требования к росту жизненного уровня, и часто у хорошо материально обеспеченных респондентов (авторы изучали женщин) наблюдается неблагоприятная субъективная оценка своего материального положения[1].

О неадекватности выбора мотива «появление ребенка ухудшит материальное положение» свидетельствует также распределение его доли по возрастным группам. Будем исходить из известного факта, что подавляющее

[1] См.: *Киселева Г., Рылкова И.* О мотивах ограничения рождаемости. — В кн.: Развитие населения. М., 1974, с. 57.

большинство женщин, когда им за 39 лет, не рожают детей. За пределами этой границы можно ожидать ссылки на такие причины ограничения детности, как здоровье, возраст. Ссылка же на то обстоятельство, что в возрасте 40—49 лет людям мешает иметь детей материальное положение, звучит неправдоподобно; очевидно, она обусловлена какими-то другими факторами (о них речь пойдет специально). Тем не менее доля этой причины составляет 13,8% у мужчин и 7,4% у женщин в возрасте 40—44 лет и соответственно 6,4% и 4,6% — в возрасте 45—49 лет.

О степени соответствия реального обеспечения семьи и мотива ограничения детности в какой-то мере свидетельствуют ответы на вопрос: «Увеличилась бы при условии повышения заработка Ваша семья?» Респондентов просили представить себе, что они имеют среднемесячный заработок такой, как им хотелось бы. Свыше 65% опрошенных затруднялись ответить на вопрос или давали отрицательный ответ и только 35% ответили положительно. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (0,29) показывает явное несоответствие утвердительных ответов на вопрос о том, увеличится ли семья с ростом зарплаты и частотой выбора материального мотива ограничения детности.

На вопрос о том, предполагает ли респондент иметь детей (еще одного ребенка) в будущем, те, кто сослался на материальный мотив ограничения детности, ответили так: около 21% утвердительно, около 45% отрицательно и примерно 33% затруднялись высказать определенное предположение.

Разумеется, сказанное не исключает того, что некоторая и, быть может, значительная часть людей действительно не решается увеличивать размеры семьи из-за того, что это снизит их уровень жизни. Но с точки зрения психологии нас интересуют больше всего те, кто ошибочно ссылается на свое материальное положение, якобы мешающее им осуществить репродуктивные намерения.

Прежде всего необходимо заметить, что неадекватность мотивации обусловлена искренней верой большинства людей в то, что между материальным положением семьи и детностью существует прямая связь. Таким образом, мы сталкиваемся не просто с неадекватным в какой-то мере выбором мотива, но и стоящим за ним

убеждением людей. И нам приходится следить за двумя психологическими явлениями сразу — неверно сложившимся *убеждением* и неадекватно выбираемым *мотивом.*

Каков бы ни был доход в семье, появление в ней нового члена сопряжено с дополнительными материальными затратами. В этом смысле ссылка респондентов на материальные осложнения вполне обоснованна. Неадекватность мотива и ошибочность представлений о связи материального положения с рождаемостью имеет отношение к понятию «ухудшит». Это понятие сопряжено с личным опытом, переживаниями индивида своего материального положения, обусловлено мотивацией детности, имеет отношение к системе ценностей и потому интерпретируется индивидом субъективно. Отсюда возможно несколько объяснений ошибочных заключений респондентов.

Вот несколько гипотез.

Подмена посылки в доказательстве. Эта причина неверных представлений отдельных людей связана с нарушением одного из правил умозаключений. Человек иногда наблюдает, что в семьях с большим числом детей материальное положение хуже, чем в семьях меньшего размера. Такие факты действительно имеют место. Однако из такой посылки не следует вывод о прямой зависимости дохода и рождаемости. Для доказательства последнего условия необходимо проверить правильность еще одной посылки: с увеличением дохода все или большинство людей непременно увеличивают число детей в семье. Несостоятельность такого утверждения очевидна, следовательно, оно не может быть основанием для известных нам выводов отдельных людей. Улучшение материального положения семьи создает лишь вероятность повышения детности, но не обязательно приводит к рождению новых детей.

Избирательное восприятие фактов. В основе ошибочного вывода о зависимости материального уровня обеспеченности и числом детей, возможно, оказываются принципы взаимоотношения человека с окружающими явлениями социальной действительности. Восприятие действует направленно и избирательно, нередко концентрируясь на частностях. Как и всякая статистическая закономерность, обратная зависимость между показателями условий жизни и рождаемости фиксируется в

массе случаев, но с различными отклонениями. Конкретный человек мог наблюдать ситуацию, когда с увеличением дохода увеличивается число детей в семье. Личный опыт, как известно, убедителен и нередко доминирует в установках и поведении индивида, проявляясь, в частности, в ответах на анкету. Сознание респондента в данном случае игнорирует тот факт, что не сами по себе улучшившиеся материальные условия, но желание иметь большее число детей является подлинной причиной репродуктивного поведения.

Субъективное восприятие роста доходов. Эта причина искаженного представления о зависимости материального уровня жизни семьи и рождаемости касается доходов и потребностей личности, которые «конкурируют» с детьми.

По данным государственной статистики, реальные доходы населения Ленинграда значительно увеличились за последние годы. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве составляла в 1965 г. 107,3 руб., в 1973 г. — 142,8, в 1975 г. — 150,1 руб.[1] Однако номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития. Рост уровня потребностей семьи идет опережающими темпами по сравнению с увеличением доходов. Такая ситуация ведет к тому, что при возросшем благосостоянии многие супруги удовлетворяют вновь возникшие потребности, не задумываясь об увеличении числа детей.

Как показало наше исследование, с момента рождения первенца и до момента времени опроса в семьях ленинградцев заметно возрос среднедушевой доход. Но семьи увеличились за счет вторых — третьих детей лишь у некоторых. Это, в частности, объясняется тем, что величина прироста доходов еще не покрывает параллельно возникающих потребностей индивида настолько, чтобы он мог не думать о материальных затруднениях, сопряженных с увеличением числа детей в семье. Причем то, насколько должен увеличиться среднемесячный доход в семье, чтобы не ощущалось ухудшение материального положения, вещь субъективная (как субъективны понятия «хороший заработок», «хорошая заработная плата»). В нашем вспомогательном опросе было опрошено 200 инженерно-технических работников. Их просили указать, какой, по их мнению, должен быть доход на одного человека в семье, когда в ней один, двое, трое или четверо детей.

Однодетные мужчины считают, что при наличии одного ребенка доход на члена семьи должен быть в среднем 122 руб. С увеличением числа детей доход должен возрастать, и при наличии четверых детей в семье доход на члена семьи должен составлять в среднем 147 руб. Двухдетные мужчины называют соответственно сумму 115 и 131 руб. По мнению однодетных женщин, при одном ребенке в семье доход необходим в 125 руб., при четвертых — 154 руб. Двухдетные женщины указывают соответственно суммы 123 и 162 руб.

Таким образом, среднедушевой доход, по мнению опрошенных, должен быть тем больше, чем больше число детей в семье. Но мужчины, имеющие двоих детей, указывают наименьшую сумму дохода при различных вариациях детности, а двухдетные женщины — наибольшую.

Наше основное обследование показывает, что мужчины и женщины по-разному оценивают свое материальное положение в контексте вопроса о возможности увеличения числа детей в семье. Мужчины значительно чаще женщин отмечают, что появление ребенка ухудшит материальное положение семьи. Казалось бы, естественнее ожидать более строгой оценки ситуации и, следовательно, доминирующее число высказываний со стороны женщин. Ведь трудности, связанные с появлением нового члена семьи, в первую очередь ощущают они — матери, жены, домашние хозяйки. Однако преобладают мнения мужчин, что, по нашему мнению, обусловлено менее выраженным у них чадолюбием и, вероятно, наличием более серьезных «конкурентов» детям, чем у женщин. Правда, обнаруженная тенденция присуща не всем социально-профессиональным группам. Особенно выражена разница в зависимости от пола при выборе данного мотива у рабочих неквалифицированного труда, работников сферы обслуживания, служащих госучреждений. Мнения мужчин и женщин в оценке материального фактора близки или совпадают у ИТР, квалифицированных рабочих, учителей и врачей, преподавателей, творческих работников и студентов.

[1] См.: Народное хозяйство Ленинграда и Ленинградской области в 1975 году. Л., 1976, с. 105.

По всей вероятности, разница в частоте выборов материального мотива ограничения детности у мужчин и женщин из числа отдельных социально-профессиональных групп обусловлена различиями в определении вероятных потерь дохода на одного члена семьи в случае рождения ребенка. Индивид привыкает обходиться определенным бюджетом и не хочет идти на вероятные материальные потери в пользу ребенка (еще одного ребенка). Причем с увеличением бюджета семьи возрастает и величина вероятных материальных потерь для отца и матери. Чем выше доход, тем труднее для иного человека отказаться от привычного уровня материальной обеспеченности[1].

Подмена подлинного мотива мнимыми. Мотивы, определяющие поступки и решения индивида, взаимосвязаны. Ссылаясь на материальный фактор ограничения детности, человек думает и о тех обстоятельствах, которые прямо или косвенно связаны с уровнем его благосостояния. Так, многие респонденты отмечают, что рождение ребенка ухудшит материальное положение семьи. Но для иного индивида это конкретно может означать, что в связи с данными обстоятельствами он лишается возможности удовлетворить какую-то потребность, купить необходимую вещь и т. п. Указываемый мотив — «рождение ребенка ухудшит материальное положение семьи» — является в этом случае косвенным, поскольку за ним стоят подлинные мотивы — желание удовлетворить определенные потребности, приобрести вещь.

Утрирование трудностей. Переживание материальных осложнений, возникающих с увеличением семьи, зависит от стремления родителей иметь ребенка. Естественно предположить, что с увеличением мотивации детности уменьшаются переживания различных трудностей, связанных с рождением детей, в том числе материальных. И наоборот, чем меньше выражена потребность в детях, тем чувствительнее воспринимает индивид возможные лишения и осложнения при их рождении. Мотивация иметь первенца, как известно, сильна. И первый ребенок, как показали наши исследования, появляется, когда среднедушевой доход в семьях подавляющего числа опрошенных ниже, чем на момент опроса, когда родители заявляют, что рождение еще одного ребенка ухудшит их материальное положение. Следовательно, мотивация детности непременно причастна к интерпретации индивидом выражения «ухудшит материальное положение семьи». Отсутствие стремления иметь ребенка (еще одного ребенка) дает о себе знать в том, что индивид более жестко оценивает свои материальные возможности. Трудности утрируются. Так бывает часто, если человек не хочет что-либо делать или поступать определенным образом: появляются ссылки на осложняющие обстоятельства и препятствия.

Выбор мотива из солидарности. Не испытывая каких-либо материальных затруднений и не намереваясь увеличивать число детей в семье, иной человек, отвечающий на вопросы анкеты, тем не менее может указать, что рождение ребенка ухудшает материальное положение семьи. В данном случае индивид, размышляя над вопросом, понимает его широко: ассоциации касаются «других» — интересов большинства людей, вероятных затруднений, возникающих, как правило, при рождении детей. Как уже отмечалось, это естественная потребность респондента мысленно апеллировать к абстрактно представляемой или известной индивиду общности. Пожалуй, именно поэтому люди в возрасте за 30 лет так часто ссылаются на материальную причину ограничения детности, хотя сами вряд ли рожали бы детей, даже имея для того все условия.

Превращение средства деятельности в ее мотив. В данном случае выбор респондентом каких-то факторов в качестве препятствий на пути увеличения числа детей в семье обусловлен психологическим механизмом, который А. Н. Леонтьев назвал «сдвиг мотивов на цели деятельности»[1]. Так, материальное благополучие может быть сознательной целью деятельности человека. Известны различные средства достижения этой цели, например некоторые берут дополнительную работу или стремятся занять вышеоплачиваемую должность. Иные люди в качестве средства достижения своих материальных целей могут ограничивать размеры семьи. Средство деятельности — ограничение детности в этом случае — легко превращается в мотив и даже в цель деятельности.

[1] См.: *Смолиньский З.* Попытка сформулировать общую экономическую модель развития населения. — В кн.: Теоретические проблемы демографии. М., 1970, с. 63—77.

[1] *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М., 1965.

13 Заказ 1544

Иной человек привыкает верить в то, что он не хочет, чтобы у него появлялись дети, хотя при помощи такого мотива он защищает иные свои цели. Мотив как бы сдвигается, подчиняется этим целям. По мнению П. Фресса, превращение средства в цель действия — довольно частое явление в динамике мотивации[1].

Престижность материального обеспечения. Эта причина неадекватной оценки влияния экономического фактора на детность обусловлена тем, что материальное положение индивида оказывает влияние на разные стороны его жизнедеятельности. Достаток в семье позволяет удовлетворить не только насущные потребности физического существования. Для многих он является символом личного социального положения, отражая «статусную» направленность личности. В этом случае, указывая на материальный мотив ограничения детности, респондент имеет в виду не какие-нибудь элементарные потребности, а материальные ценности престижного характера — дорогостоящие предметы личного пользования, предметы роскоши, современную мебель и т. д. Иными словами, некоторые люди посредством материальных притязаний могут компенсировать отсутствие других возможностей утвердить себя в социальном окружении, проявить свою личность. Ссылка на ухудшение материального положения семьи в случае рождения ребенка становится психологически приемлемым прикрытием стремления к самоутверждению.

Отсюда следует важный вывод для воспитания правильного демографического сознания людей: материальное положение семьи в свете рождаемости будет оцениваться адекватно при том условии, если человек получит различные средства проявления себя как личности, возможность содержательной творческой деятельности, если материальная сторона перестанет быть для него единственным мерилом общественного признания.

Придание мотиву символического значения. Эта причина искаженной мотивации ограничения детности в семье связана с механизмом образования значений, с одной стороны, и механизмом смыслообразования — с другой.

«Значение» и «личностный смысл» — различные «единицы сознания», управляющие поведением. «Значения» — продукт общественно-исторического опыта человечества, они при любых обстоятельствах сохраняют свой объективированный, «надличный» характер. Некоторая часть людей ссылается на материальные, жилищные условия, как якобы на причины, ограничивающие детность, лишь потому, что эти условия ассоциируют с благополучием, статусом личности вообще. К мотивации рождаемости в этом случае они отношения не имеют.

Другая единица сознания — «личностный смысл». В отличие от «значений», личностные смыслы не имеют своего «надиндивидуального» существования, они связаны с реальностью собственной жизни субъекта. Следовательно, определенная часть людей в тех же мотивах «материальное благополучие», «жилищные условия», «женщина занята на производстве» и т. д. увидит непосредственно их беспокоящие обстоятельства жизни. Здесь мы имеем дело с мотивацией, функция которой состоит в оценке жизненной роли для субъекта объективных обстоятельств и предполагаемых в связи с этим действий.

О том, что материальное положение часто расценивается как некий символ, убедительно свидетельствует статистика выбора его в качестве условия семейного счастья. Напомним, что среди прочих ценностей счастливой семейной жизни материальное благополучие, наряду с отдельной квартирой, занимает второе место. Причем наблюдается хорошо выраженное соответствие между выбором этого условия отдельными группами опрошенных и частотой ссылок на материальный мотив ограничения детности (коэффициент корреляции Спирмена 0,83). Это значит, что преимущественно одни и те же респонденты материальный фактор называют условием счастья и мотивом ограничения детности.

Мы рассмотрели несколько гипотетических объяснений выбора материального мотива ограничения рождаемости со стороны тех людей, которые на самом деле воздерживаются от увеличения числа детей в семье по иным мотивам или причинам. Однако, хотя ссылка на материальное положение часто не состоятельна, не объективна, это не означает, что она не имеет никаких следствий для репродуктивного поведения. Напротив, овладев сознанием человека, она может становиться тормозящей силой, побудителем негативных отношений к среднедетной семье, проявляющихся во взглядах, суждениях и реп-

[1] Fraiss P. Psychologie du temps. P., 1967.

родуктивном поведении личности. Такое понимание мотивации отвечает известному положению советской психологии о регулировании действий представлениями. Своими неверными взглядами человек способен воздействовать на окружающих. В этом также проявляется побудительная потенция его мотивов.

ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

Как было отмечено (табл. 8), мотив «женщина занята на производстве» занял четвертое место среди прочих мотивов ограничения детности у всех опрошенных (доля составляет 9,2%). Наибольшее значение этому мотиву придают инженерно-технические работники, творческие работники, работники сферы обслуживания (свыше 12% составляет доля этого мотива среди прочих мотивов у названных групп). Меньше всего ссылок на занятость женщин в общественном производстве со стороны студентов (4,8% среди прочих мотивов).

В какой же мере объективны или субъективны ссылки на занятость женщин в общественном производстве как на причину ограничения числа детей в семье?

Прежде всего выясним, что отмечается по этому поводу в научной литературе.

В демографической и социологической литературе еще недавно подчеркивалось, что занятость женщин в общественном производстве — одна из *непосредственных* причин снижения рождаемости. Однако в последнее время мнение о прямой взаимосвязи занятости женщин в общественном производстве и рождаемости подвергнуто критическому осмыслению. В наиболее экономически развитых странах и особенно в крупных промышленных центрах обнаруживают все менее значимые различия в детности у работающих и не работающих на производстве женщин. К таким же выводам приходит М. Я. Сонин, изучая сравнительным методом ситуацию в СССР в 30-е годы и данные 50-х годов[1]. По данным выборочного исследования, проведенного в Ташкенте, более половины многодетных женщин заняты в общественном производстве[2].

[1] См.: *Сонин М. Я.* Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М., 1965, с. 29.

[2] См.: *Ата-Мирзаев О.* Многодетная женщина: социально-демографический анализ. — В кн.: Женщины на работе и дома. М., 1978, с. 34.

Малодетность, т. е. наличие одного или двух детей, не зависит существенно от того, работает женщина или нет. В производстве занято примерно равное число женщин-матерей с одним ребенком или с двумя детьми. Например, в Чехословакии работает 79% женщин, имеющих одного ребенка, и почти 71% — женщин, у которых два ребенка[1]. Правда, среди женщин, имеющих троих детей, значительно больше неработающих.

Однако трудно понять зависимость фактов: женщина имеет троих детей, потому что не желает работать и хочет посвятить себя семье, или она вынуждена не работать, потому что у нее трое детей. К. Лунгвиц (ГДР) приходит к выводу, что факт снижения рождаемости при одновременном росте степени занятости женщин еще не является четким доказательством непосредственной связи этих компонентов. Рост занятости женщин в народном хозяйстве не служит причиной снижения рождаемости. Коэффициент рождаемости в ГДР, как и степень занятости женщин, долгое время увеличивался[2].

Очевидно, на фоне интенсивного вовлечения женщин в общественное производство протекает более мощный процесс — распространение малодетности, который обусловлен многими причинами и который определяет в конечном счете демографическую ситуацию. Именно так можно объяснить тот факт, что сокращение рождаемости коснулось всех социально-профессиональных, половозрастных групп, включая неработающих женщин. По данным нашего обследования, среднее имеющееся число детей в семье для всех состоящих в браке 1,06, для неработающих женщин — 1,16.

И все-таки нельзя утверждать, что занятость женщин в общественном производстве не влияет на снижение рождаемости. Ясно, что женщина ограничивает размеры семьи, потому что не хочет оставлять детей без надзора, потому что она испытывает лимит времени и утомляется физически. Так, на вопрос «трудно ли Вам совмещать профессиональные и семейные бытовые роли?», обращенный к женщинам московской кондитерской фабрики им. Марата в конце 60-х годов, опрошенные ответили: «очень тяжело» — 10%, «тяжело» —

[1] См.: Народонаселение в Чехословакии. Прага, 1974, с. 40.

[2] См.: *Лунгвиц К.* Экономические и социальные проблемы рождаемости в ГДР. — В кн.: Проблемы народонаселения (Над чем работают ученые социалистических стран). М., 1977, с. 180.

10%, «сносно» — 52%, а в 1975 г. — соответственно 5%, 10% и 40%[1]. Однако при этом важно понять, что причиной сокращения рождаемости является не столько само участие женщин в производстве, сколько *специфические современные условия* этого участия. (Именно это обстоятельство игнорируется обыденным сознанием). Ведь женщина всегда трудилась и при этом имела, как правило, большую семью. Интенсивная трудовая деятельность женщин отнюдь не является признаком лишь современной эпохи. В истории женского труда находим убедительные факты, свидетельствующие о том, что во все времена женщины в своей массе много работали в домашнем хозяйстве, уход за детьми и престарелыми всегда был их непременной обязанностью, так как семья одновременно была и производственной ячейкой[2]. Исключение составляли женщины, принадлежащие к эксплуататорским классам, сделавшим своим главным занятием праздность.

В прошлые времена женщина работала много, но работа часто носила сезонный характер, выполнялась на дому при наличии свободного от хозяйства времени. Женщина работала, но была при семье и детях, труд ее был стереотипный, нетворческий, а требования, предъявляемые к воспитанию детей, были не столь высокими, как теперь.

В современную эпоху участие женщин в общественном производстве достигло небывалых размеров потому, что это факт прогрессивный.

Однако если сама по себе занятость женщин — явление не специфическое, то, очевидно, есть сопряженные с ней специфические факторы, а также факторы, которые прежде не были столь выражены, как теперь.

Среди специфических современных факторов выделяются социально-экономические и социально-психологические.

Начнем с *социально-экономических факторов*. Прежде всего уровень рождаемости зависит от степени и характера занятости женщин в сфере общественного производства. Занятость женщин может быть более или менее рациональной, что будет иметь определенные след-

---

[1] См.: *Янкова З. А.* Советская женщина (Социальный портрет). М., 1978, с. 99.

[2] См.: *Сюллеро Э.* История и социология женского труда. М., 1973.

ствия для самочувствия женщины, производительности ее труда, разумного сочетания труда в общественном хозяйстве с материнством и другими семейными обязанностями.

Снижение рождаемости может вызываться разрывом между фактическим и оптимальным соотношением занятости женщин в сферах общественного и личного труда. По расчетам специалистов, этот разрыв за последние годы увеличился[1]. В то же время процесс массового вовлечения женщин в общественное производство не сопровождался в должной мере процессом освобождения их от домашней работы, развитием обобществленных форм удовлетворения потребностей населения в услугах и общественного воспитания и содержания детей.

Современный уровень использования трудовых ресурсов в целом по стране характеризуется не только высокой занятостью женщин в общественном хозяйстве, но и тем, что уровень занятости женщин все меньше отличается от уровня занятости мужчин.

Снижение рождаемости объясняется не столько самим фактом участия женщин в сфере обобществленного труда, сколько недостатками, еще имеющимися в сфере обслуживания, в общественном питании, жилищных, детских и других бытовых учреждениях. Многие бытовые условия еще недостаточно благоприятны для совмещения женщиной профессиональных и семейных ролей; в частности еще слишком велики и часто нерациональны затраты времени на домашний труд.

По оценке В. Костакова и П. Литвякова, эффективность труда в домашнем хозяйстве примерно в 4 раза ниже, чем в общественном производстве[2]. Кроме того, средняя домашняя нагрузка женщины, по данным А. Пименовой, в 2 с лишним раза больше домашней нагрузки мужчины, а ее общая трудовая нагрузка — на работе и дома — на 15—20% больше общей трудовой нагрузки мужчины[3].

Иногда встречается недостаточно чуткое отношение к женщине-матери со стороны руководителей производственных подразделений, которые нехотя идут навстре-

---

[1] См.: *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин в производстве. М., 1975, с. 18.

[2] См.: *Костаков В., Литвяков П.* Баланс труда. М., 1965, с. 117.

[3] См.: Проблемы быта брака и семьи. Вильнюс, 1970, с. 149.

чу ее просьбам, связанным с семейными обстоятельствами. Не везде, где это уже сегодня возможно, матерям предоставляется право работать неполный рабочий день. В связи с проблемой детности следует говорить о повышении престижа женщины-матери на производстве, где он еще низок. Женщину ценят за ее знания, способности, коллективизм, но часто забывают, что на ее попечении семья, забота о детях.

Конечно, женщина должна быть в центре жизни коллектива, но для нее сложно совместить это с семейными делами.

По данным А. Г. Харчева и С. И. Голода, удельный вес работниц, участвующих в общественной жизни на обследованных ими в конце 60-х годов предприятиях Ленинграда и Костромы, составляет 45% общего числа опрошенных. Наибольшее число общественно активных женщин приходится, по данным этих авторов, на группу работниц среднего возраста, среди которых оказался наиболее высокий процент и работниц с высокой квалификацией[1]. По данным социологического обследования, проходившего в начале 70-х годов в Литве, 61,9% женщин находилось на выборной работе, 26% имели постоянные поручения, 10,7% — временные[2].

Следует возвести материнство в самую важную и почетную обязанность. В Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду указывается: «Партия считает своим долгом проявлять постоянную заботу о женщине, об улучшении ее положения как участницы трудового процесса, матери и воспитательницы детей и хозяйки дома»[3].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что не сама по себе профессиональная деятельность женщины явилась причиной падения рождаемости в последнее время, а отсутствие условий, позволяющих женщине гармонично сочетать профессиональную деятельность и материнство.

Теперь рассмотрим специфические социально-психологические факторы, сопутствующие участию женщин в общественном производстве и способные отрицательно влиять на рождаемость.

[1] См.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971, с. 66.

[2] См.: *Янкова З. А.* Советская женщина (Социальный портрет), с. 55.

[3] Материалы XXV съезда КПСС, с. 85.

Современная эпоха характеризуется некоторым несоответствием производственных и семейных ролей. Это — главная, на наш взгляд, причина малодетности, связанная с занятостью женщины в сфере общественного труда.

Быстрые темпы эмансипации в условиях социализма привели к резкому сдвигу установок женщин — изменили структуру ее интересов, структуру бюджета времени, отношение к работе. Женщина наравне с мужчиной участвует в общественном производстве, занимает такое же положение в производственной иерархии, в общественном положении, стремится к ответственной и творческой работе.

В Конституции СССР (статья 35) записано, что женщина и мужчина в нашей стране имеют равные права. Осуществление этих прав обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в труде, вознаграждении за него и продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин, созданием условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством.

Никогда прежде за всю историю развития человечества женщина не имела столько реальных возможностей получить общественное признание и творчески трудиться. Советский образ жизни характеризуется тем, что женщина-труженица живет интересами своей работы, не мыслит себя вне производственной и общественной деятельности.

Чем больший интерес к работе испытывает женщина, чем выше ее квалификация, тем больше отдача, тем ответственнее она принимает решение иметь детей. Вопрос, чему отдать предпочтение — второму — третьему ребенку или активному участию в общественном производстве, содержательности работы, развитию потенциальных возможностей творчества, — нередко решается не в пользу рождения очередного ребенка. Для многих женщин, особенно тех, кто занят творческим трудом, это не столько материальная, сколько психологическая проблема: они остро чувствуют несоответствие между духовными запросами творческого роста, потребностью самовыражения и важностью воспитания детей. Установлено, что следствием этого может быть психическое напряжение,

которое порой «выходит на поверхность» во взаимоотношениях супругов, матери и детей и даже создает определенные трудности для самих детей[1].

Участие женщин в производстве стало для женщины потребностью, здесь она находит возможность для творчества, утверждения своей личности (что, к сожалению, не всегда имеет место в семье). Мечтала ли женщина прошлого о такой полнокровной самоотдаче на производстве и столь многогранной реализации потенциалов своей личности — научных, творческих, педагогических, коммуникативных, организаторских, лидерских и пр. Женщина стала субъектом и объектом качественно новых производственных, общественных и межличных отношений. Сам по себе этот факт бесспорно положительный. Однако на фоне изменившихся семейных ролей и отмеченных специфических социально-экономических факторов он имеет некоторые отрицательные последствия для повышения рождаемости.

Роли женщины в семье тоже обновились и расширились. Под влиянием эмансипации она переложила на свои плечи некоторые традиционные мужские обязанности, стала в большинстве случаев фактически главой семьи, принимает ответственные семейные решения, воспитывает детей. Убедительные свидетельства перестройки внутрисемейных отношений находим в итогах всесоюзных переписей населения. Так, по данным 1926 г., 16% городских семей имели главой женщину, в 1939 г. этот показатель составлял 22%, к 1959 г. он возрос до 27%[2]. Социологическое обследование последних лет, проведенное в Москве, показало, что в крупном городе большинство семей (65%) основано на принципах равенства мужа и жены[3].

В современной семье господствует новый, социалистический тип отношений. «Наряду с процессом изменения понятия «глава семьи» и утраты им своего былого значения, — отмечает З. А. Янкова, — наблюдается процесс появления во многих семьях двух глав семей или, точнее, организаторов различных сфер внутрисемейной деятельности: супруга и супруги, осуществляющих

[1] *Fogarty M. P., Rapoport R., Rapoport R. N.* Sex, Career and Family. L., 1971, p. 92.

[2] См.: *Васильева Э. К.* Семья и ее функции, с. 76.

[3] См.: *Янкова З. А.* Социалистический образ жизни и семьи. — В кн.: Проблемы социалистического образа жизни. М., 1977, с. 191.

руководящую деятельность на основе своих знаний, опыта и специфических умений»[1].

Но при этом женщина, как и прежде, выполняет основную трудоемкую хозяйственную работу, ухаживает за детьми. К этому следует добавить, что современная женщина с большой моральной ответственностью ведет хозяйство и занимается воспитанием подрастающего поколения. Она постоянно испытывает довольно жесткое давление общественных нормативов и контроль со стороны окружающих за своими действиями и поступками в семье. Следуя общественным образцам, она стремится создать домашний уют, организовать досуг семьи, приобрести в дом все то, что имеют другие.

Она хочет быть современной матерью своих детей и не отстать от них в культурно-нравственном отношении, а это требует времени, постоянного самообразования. Женщина стремится воспитать своих детей в соответствии с общественно-заданным образцом личности. Как правило, профессиональная работа, особенно творческая, высокий статус положительно влияют на личность женщины, ее интеллектуальный и эмоциональный мир, что отражается и на воспитании детей. В результате несоответствие производственных и семейных ролей уменьшается, поскольку производственная деятельность помогает женщине-матери лучше решать педагогические и нравственно-воспитательные задачи в семье.

Например, в ГДР и ЧССР обнаружена положительная связь с факторами «работающая женщина» и «успеваемость детей в школе» (правда, не без исключений). Исследователи объясняют зависимость отчасти тем, что работающие матери имеют, как правило, более высокий образовательный уровень, хотя здесь может действовать комплекс причин.

Нагрузка современной женщины в семье не только физическая, но и *интеллектуально-эмоциональная,* сопряженная с большой моральной ответственностью за судьбу детей, самостоятельностью принимаемых решений, многофункциональностью поведения как хозяйки, педагога, наставника, контролера за исполнением требований со стороны детей. И эта интеллектуально-эмо-

[1] См.: *Янкова З. А.* Социалистический образ жизни и семьи.— В кн.: Проблемы социалистического образа жизни. с. 192.

циональная нагрузка женщины в семье — явление, во многом специфичное для современного образа жизни.

Ролевое несоответствие, переживаемое женщинами, осложняется тем, что у мужчин отсутствует личная заинтересованность вовлечения себя в семейно-бытовые работы. Как отмечает польский исследователь А. Подгурецкий, мужчины охотней женщин соглашаются на то, чтобы переложить бремя помощи семье на государство[1]. Многие из них психологически не подготовлены к справедливому разделению семейных обязанностей. Нередко формально они приветствуют процесс эмансипации, но фактически остаются на консервативных позициях, когда вопрос конкретно касается их жен. Как показали исследования А. Клосковской, 84% мужчин рабочих г. Лодзи одобряют профессиональный труд женщин, 90% считают, что женщины не уступают мужчинам в способностях к профессиональной и умственной деятельности. Однако 76% опрошенных недовольны тем, что их жены заняты в общественном труде, считая основное назначение жены — быть хорошей хозяйкой[2].

В обыденном сознании и нередко в научной литературе сложный психологический вопрос о ролевом конфликте, переживаемом женщинами, сводится к менее сложному легко фиксируемому факту — «двойной нагрузке», которую выполняет женщина-мать, будучи занятой на производстве и в домашнем хозяйстве. Естественно, что женщина стремится уменьшить ее, прибегая к различным методам, хотя на самом деле она ищет пути разрешения конфликтов своих ролей. В социалистическом обществе проблема «двойной нагрузки» решается также по инициативе общества посредством постоянного расширения прав по охране материнства, развития системы общественного дошкольного воспитания (ясли, сады), бесплатного медицинского обслуживания, постоянного улучшения условий труда и быта работающих женщин, социального обеспечения в декретный период.

Нередко женщина облегчает свое положение за счет сокращения числа детей в семье. Этот путь для нее психологически приемлем, особенно если принять во внимание, что сложившийся в обществе стандарт одно-двухдетной семьи не препятствует ее намерениям. Есть, однако, данные, которые показывают, что в многодетных семьях (5 и более детей) женщины имеют больше свободного времени, так как взрослые дети берут на себя часть хозяйственных обязанностей[1]. Но вряд ли многодетность можно рассматривать как массовое средство облегчения положения женщины.

Что касается разделения труда между членами семьи, то такое средство решения проблемы «двойной нагрузки женщины» весьма распространено. По подсчетам А. Г. Харчева и С. И. Голода, данным путем конфликт между двумя видами занятости женщин решается примерно в каждой четвертой ленинградской семье. Значительную часть домашней работы и забот по уходу за детьми берет на себя супруг (54,1%), если в семье более одного ребенка, дети смотрят друг за другом (8,4%)[2]. Как отмечают социологи, все более распространяется стандарт поведения, при котором молодые поколения стремятся переложить часть своей нагрузки, в частности по уходу за детьми, на плечи старших поколений[3].

В нашей анкете задавался вопрос: «Кто помогал Вам в уходе за маленьким ребенком?» Ответы показывают, что в уходе за первым ребенком родственники помогали в 47,4% семей, в уходе за вторым — в 33,8% семей. Таким образом, бабушки и дедушки — большой резерв в воспитании потомства, хотя их влияние на жизнь семьи не всегда благотворно, а иногда приводит к конфликтам.

Однако если женщина выбирает крайний вариант решения проблемы «двойной нагрузки» — увольняется с работы, то нельзя считать это отказом от «общественно полезного труда». Материнство, воспитание детей, если, конечно, оно осуществляется по-настоящему, — один из наиболее ответственных, сложных и творческих видов труда.

Можно показать и другие пути решения проблемы «двойной нагрузки» в социалистическом обществе с уче-

---

[1] См.: *Подгурецкий А.* Очерк социологии права. М., 1974, с. 115.

[2] *Kloskowska A.* Badanie modely rodziny w Lodzkim strodowiska rebotuiczym. — Pzzegbad Sosiologiezy, 1960, vol. 14.

[1] См.: *Слесарев Г. А.* Демографические процессы и социальная структура социалистического общества. М., 1978, с. 178.

[2] См.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья, с. 90.

[3] Там же, с. 72.

том социальной психологии. Но о чем бы ни шла речь, деятельность общества в этой связи должна направляться на то, чтобы женщина имела возможность сама определять оптимальный баланс между семейными и производственными ролями. Женщина сама должна находить меру своего участия в общественном производстве. Общество заинтересовано в том, чтобы это участие было возможно полным и эффективным, и, следовательно, обязано способствовать формированию соответствующих ориентаций. При этом производство должно обладать определенным запасом организационной гибкости и в то же время стабильной производительностью, что делало бы мало ощутимыми колебания в притоке и отливе рабочей силы, которые возникали бы в случае альтернативного поведения женщин в производственной сфере.

Свобода в определении меры своего участия в общественном производстве для женщины станет возможной лишь в том случае, если семья будет экономически обеспечена независимо от того факта, работает женщина-мать или не работает. Это обстоятельство связано с дальнейшим улучшением благосостояния народа, повышением доходов семьи, развитием системы льгот и поощрений при рождении детей, что находит отражение в решениях КПСС и Советского правительства.

Оптимальное сочетание семейных и производственных ролей для женщины станет возможным, если система бытового обслуживания будет функционировать настолько удовлетворительно, что обеспечит женщине фактическую возможность отключаться от домашнего хозяйства без ощутимого ущерба для себя, семьи и общества.

Наконец, альтернативное поведение женщины в определении баланса семейных и производственных ролей станет возможным при соответствующей позиции супруга. Справедливое разделение всех домашних обязанностей, искоренение традиционных представлений о мужских и женских делах существенно улучшат положение женщины. Это проблема морально-нравственная, воспитательная, связанная с дальнейшим изменением установок мужчин и женщин в отношении семейных ролей и круга семейных обязанностей.

Общественное решение проблемы «двойной нагрузки» и сопряженной с ней проблемы несоответствия ролей должно способствовать формированию правильных

представлений людей о взаимосвязи производственной деятельности женщин и рождаемости. В частности, немаловажное влияние на формирование мнения, будто непосредственно занятость женщин в общественном производстве вызывает снижение рождаемости, оказывают сами по себе установки относительно того факта, что женщина работает. Эти установки внутренне противоречивы: индивид видит как положительные, так и отрицательные эффекты участия женщин в производстве. Противоречивое или негативное у отдельных людей отношение к занятости женщин в общественном производстве вообще может переноситься в сферу мотивации детности, накладывая свой отпечаток на суждения о причинах ограничения числа детей в семье. При этом сознание игнорирует первостепенные причины, вызывающие падение рождаемости.

Анализируя различные точки зрения и данные эмпирических исследований социологов, социальных психологов, юристов и психиатров, можно сформулировать ряд позитивных и негативных эффектов, вызываемых участием женщин в общественном производстве[1].

В соответствии с выделенными позитивными и негативными эффектами производственной занятости женщин для семьи, брака и личности в нашей анкете были сформулированы вопросы. Респонденты вспомогательного опроса (200 инженерно-технических работников), отвечая на них, выбирали один из вариантов ответа: «да» или «нет». Преобладание доли утвердительных мнений над долей отрицательных при оценке каждого эффекта отражено в табл. 9.

Как видим, утвердительные ответы значительно преобладают в оценках однодетных мужчин как позитивных (46%), так и негативных (51%) эффектов. Мужчины, у которых двое детей, также высказываются в пользу позитивных эффектов. Женщины независимо от числа имеющихся детей также чаще утвердительно судят о позитивных эффектах.

Тем не менее негативные стороны участия женщин в

[1] См.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья; *Котляр А. Э., Турчанинова С. Я.* Занятость женщин в производстве; *Данилова Е. З.* Социальные проблемы труда женщины-работницы. М., 1968; *Стародуб В. И.* Женщина и общественный труд. Л., 1975; Изменение положения женщины и семья. М., 1977.

Таблица 9

Эффекты производственной занятости по оценке респондентов
(преобладание доли утвердительных мнений над долей отрицательных, %)

Эффекты позитивные	Мужчины		Женщины		Эффекты негативные	Мужчины		Женщины	
	одно-детные	двух-детные	одно-детные	двух-детные		одно-детные	двух-детные	одно-детные	двух-детные
Эмансипации	52	78	71	75	Мускулинизации	31	35	12	65
Престижный	65	83	80	73	Самооправдания через занятость	48	46	35	36
Физической закалки	18	25	18	27	Физического утомления	46	48	42	42
Интеллектуального развития	68	40	75	81	Снижения интеллекта	—	—	—	—
Тонизирующий	49	63	76	69	Эмоционального утомления	31	33	31	25
Коммуникативный	57	79	75	73	Доминирования	60	73	81	75
Соучастия	49	70	35	50	Притупления сочувствия	43	33	49	40
Оптимизации деятельности	31	50	59	75	Деструкции деятельности	78	67	71	85
Самореализации	24	53	47	62	Разочарования в работе	33	45	24	33
Воспитательный	43	52	62	67	Снижения контроля за детьми	51	62	66	48
Компенсации	51	52	71	73	Фиксации на недостатках быта	94	96	90	92
В среднем	46	61	61	66	В среднем	51	54	50	54

общественном производстве тоже довольно часто отмечаются однодетными и двухдетными респондентами (в среднем 50—54% составляет доля преобладания утвердительных мнений над долей отрицательных).

В других исследованиях также обнаруживалось, что в обыденном сознании среди мнений и оценок, касающихся производственной работы женщин и ее влияния на брак и семью, очень распространены негативно-критические[1].

Какие же негативные эффекты подтверждаются чаще? Прежде всего те, которые связаны с восприятием недостатков бытового обслуживания, внутренним неудовлетворением женщин против двойной нагрузки и, как следствие, — неохотное выполнение обязанностей домашней хозяйки и воспитательницы (эффект «деструкции деятельности»).

Часто и мужчины и женщины отмечают, что производственная занятость способствует развитию утрированной самостоятельности женщины, независимости от супруга, что может отрицательно сказываться на семейных отношениях (эффект «доминирования»). Не подтверждается эффект «снижения интеллекта». Относительно редко подтверждается то, что работающая женщина не имеет времени следить за собой, за событиями в мире, менее выдержанна и т. п. (эффект «эмоционального утомления»). При оценке этого эффекта имеет место перевес утвердительных мнений против отрицательных на 25—33% у мужчин и женщин, имеющих одного или двоих детей.

Довольно часто проявляется эффект «самооправдания через занятость», когда работающая женщина, ссылаясь на производственную занятость, оправдывает свое нежелание заниматься домашним хозяйством. Часть однодетных и двухдетных респондентов отмечает эффект «притупления сочувствия». Имеется в виду ситуация, когда мужья воспринимают двойную нагрузку женщины как само собой разумеющееся явление, не замечают ее усталости.

Среди позитивных эффектов трудовой деятельности женщин респонденты обоих полов чаще подтверждают эффекты «эмансипации» и «престижный», тем самым

---

[1] См.: *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья, с. 110.

14 Заказ 1544

признается фактическое равенство женщин с мужчинами, ее самостоятельность, право на участие в решении всех семейных вопросов и т. д. Производственная деятельность, по мнению опрошенных, явно способствует развитию общения в семье («коммуникативный» эффект), интеллектуальному развитию женщины, повышению жизненного тонуса, внимания к себе («тонизирующий» эффект). Немаловажно и то, что работа помогает женщине осуществлять свою роль воспитательницы («воспитательный» эффект), найти интерес в жизни, когда дети уже повзрослели, когда она одинока или испытывает недостаток семейного тепла (эффект «компенсации»).

Работающая на производстве женщина более экономно расходует свое время и силы, занимаясь хозяйством, лучше планирует домашние дела (эффект «оптимизации деятельности») — с этим утверждением особенно согласны двухдетные респонденты. Если женщина работает, то муж стремится помочь ей и по хозяйству, и в воспитании детей (эффект «соучастия») — это положение респонденты отмечают тем чаще, чем больше детей в семье.

Отметим некоторые различия в ответах в зависимости от пола респондентов. Отрицательное влияние производственной деятельности женщин на брак, семью и личность отмечают примерно одинаково часто как одно- так и двухдетные мужчины и женщины, однако женщины чаще, чем мужчины, видят положительные моменты. В то же время имеет место такая зависимость: чем чаще опрашиваемый называет отрицательные эффекты, тем чаще он считает, что при современных условиях лучше иметь одного ребенка. Отсюда можно сделать вывод, что отношение к участию женщин в общественном производстве накладывает свой отпечаток на мнения относительно детности в семье.

Подобного рода зависимость, как нам кажется, объясняет психологический «механизм» мотивации малодетности тем, что женщина занята на производстве. В конечном счете это многозначный мотив, поскольку не само участие женщин в производстве, а сопутствующие обстоятельства являются подлинной причиной ограничения числа детей в семье. Этот мотив может быть как *доводом*, не подкрепленным практическими действиями индивида, так и *побудителем действий,* направленных на то, чтобы не иметь детей более того числа, которое имеется. В первом случае мотив — лишь удобная и привычная для большинства ссылка на известное обстоятельство, с помощью которого якобы можно объяснить причинно-следственные отношения двух наблюдаемых явлений: женщина работает — падает рождаемость. В случае же, когда мотив становится побудителем ограничения рождаемости, отношение индивида к участию женщин в общественном производстве оказывает негативное влияние на репродуктивное поведение, удерживая человека от увеличения размеров семьи. При этом для существа дела не имеет особого значения, в какой мере индивид сам испытывает последствия занятости женщин на производстве, правильно ли осознает основные и второстепенные явления, сопряженные с этим фактором. Его действиями и решениями управляет идея, «качество» идеи не важно. В этой связи особенно актуальной становится пропаганда по разъяснению широким массам фактической взаимосвязи между участием женщины в производстве и числом детей в семье.

О ПСИХОЛОГИЗАЦИИ МОТИВОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕТНОСТИ

Итак, мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся ссылки на различные жизненные обстоятельства, вызывающие нежелание иметь детей (еще одного ребенка), — здоровье и возраст, жилищные и материальные условия, занятость женщин на производстве. Проведенный анализ мотивов с точки зрения их подлинности — мнимости, адекватности — неадекватности убеждает нас, что степень «психологизации» мотивов ограничения детности в семье весьма высокая.

В суждения по столь актуальному вопросу привносятся самые различные элементы «я», играющие роль «психологического шума» и затрудняющие получение правильного ответа на вопрос о том, что же является истинной причиной, мешающей реализовать супругам репродуктивные планы. Здесь присутствуют искажения, обусловленные сбоями в логике, неверным отражением в сознании объективных явлений, утрированием частностей и абстрагированием от закономерностей. Здесь и ряд «накладок», имеющих отношение к механизмам мотивации, идентификации, конформности. В последнем

случае ссылка на то или иное обстоятельство делается «за других». Степень таким способом заявленной конформности в отношении мотивации ограничения рождаемости выше у мужчин по сравнению с женщинами. Мужчины чаще женщин игнорируют тот факт, что в их возрасте детей фактически не рожают и что ссылки всякого рода при этом мнимые, а не подлинные. «Игнорирование здравого смысла» — так можно назвать эту причину неадекватного мотивирования ограничения детности.

Немаловажное значение в появлении неправильных представлений о причинах ограничения рождаемости имеет тот факт, что широкие массы плохо информированы о процессах демографии, следствием чего является архаичность знаний и выводов. Сознание человека, его жизненный опыт отстают в своем развитии от общественного сознания и опыта. В силу своей ограниченности или недоступности информации по существу наблюдаемых явлений человек часто затрудняется сделать правильные выводы о происходящих социальных событиях. Нередко он находится в плену устаревших представлений и знаний, указывая мотивы «по инерции».

Не следует также упускать из виду, что для иного человека вопрос о том, почему он не желает иметь детей (еще одного ребенка), объективно сложный. Попытка разобраться в нем непосильна из-за тесного переплетения догадок и реально действующих причин, обстоятельств личных и посторонних. Оказавшись перед необходимостью давать ответ (например, в ситуации опроса) и не находя его, человек испытывает какое-то психологическое напряжение, близкое к тому состоянию, когда мы не можем вспомнить забытое, когда мысль о несделанном не дает нам покоя. К тому же переживание сопровождается «чувством вины перед исследователями»: респондент сознает, что от него ждут определенного ответа, что ему доверена роль арбитра при выявлении причинно-следственных зависимостей изучаемых социальных явлений. Естественно, он пытается избавиться от такого психологического дискомфорта, и рука автоматически отмечает один или несколько наиболее приемлемых мотивов. Это весьма доступная форма выхода из затруднительного умственного состояния, которую следует иметь в виду исследователю, пытающемуся дать объективную оценку статистике мнений.

Обилие оговорок по поводу «психологического шума», мешающего распознать реальные причины снижения рождаемости, не обесценивает, как нам думается, итоги исследования. Напротив, они обнажают психологическую сущность мотивации ограничения детности. Посредством всякого рода искажений, уточнений, вносимых в мотивацию от имени «я» респондента, в демографической проблеме появляется *аспект индивидуальности*. Именно в этих «отклонениях» от логики, тенденций и объективного проявляется живой человек со всеми его сильными сторонами и слабостями. Мы сталкиваемся с подлинно человеческим психологическим миром — сложным, противоречивым, субъективным и объективным, абстрактным и конкретным в одно и то же время.

Изменение репродуктивных установок, формирование демографического сознания невозможно как без отчетливой картины мнений, так и без знания «механизмов», управляющих ими. Роль мотивов в демографическом поведении значительна, поскольку они не только создают эмоциональный настрой личности, но и при некоторых обстоятельствах побуждают к деятельности, а главное, придают ей определенный смысл. Поведением руководит, как правило, несколько мотивов, образующих иерархию мотивов, в которой ведущие мотивы придают наиболее общий смысл всему поведению в целом, определяют отношение личности к миру, тем или иным объектам. Строение и содержание этой иерархии, и прежде всего ее ведущих мотивов, составляет важную, если не главную, характеристику личности. Смена ведущих мотивов означает перестройку всей иерархии, означает смену позиций, интересов, ценностей личности, т. е. переход ее к новой стадии развития.

Личность в возрасте 18—24 лет, когда в большинстве случаев рождается первый ребенок, имеет специфическую конструкцию мотивов, среди которых мотив «иметь ребенка» занимает одно из центральных мест. После его рождения иерархия ценностей резко перестраивается: на первое место выходят иные потребности, ценности и соответствующие им мотивы деятельности. В то время когда был повсеместно распространен стандарт многодетной семьи, рождение первенца, очевидно, не сопровождалось столь резкой переориентацией всей структуры мотивов.

Из общей психологии известно, что появление нового

ведущего мотива означает новый период в жизни личности и ведет к перестройке всей предшествующей иерархии потребностей и ценностей. Как нам кажется, переориентация потребностей и ценностей многих людей, решивших иметь не более одного ребенка, после рождения первенца имеет определенный функциональный смысл в контексте рождаемости: ценности используются для «психологической защиты» при мысли о втором и последующих детях. Человек более или менее логично «обставляет», подкрепляет различными мотивами свое нежелание иметь еще одного ребенка. Именно поэтому эти мотивы становятся в большинстве случаев неадекватными, абстрактными, т. е. относятся к людям вообще и в меньшей степени отражают реальное положение респондента и фактические причины.

Глава V

МНЕНИЯ О МЕРАХ СТИМУЛИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

При осуществлении научно обоснованной демографической политики особое значение следует придать общественному мнению относительно мер стимулирования рождаемости.

Общественное мнение представляет собой некий органический сплав социальных, идеологических, психологических и других элементов. Оно, по выражению Б. А. Грушина, является «неофициальной» позицией общества[1].

Будучи формой выражения обыденного сознания, общественное мнение стихийно отражает практический опыт людей, внешние связи явлений, не всегда отражая сущность и закономерности. В то же время общественное мнение включает элементы научного сознания, которое представляет собой результат сознательной анализирующей деятельности человека. В общественном мнении нередко выражаются верные представления и взгляды, многократно проверенные опытом, практикой.

В контексте проблемы стимулирования рождаемости следует выявить мнения людей относительно мероприятий, осуществляемых по линии общественности, в плане культурного и бытового обслуживания, материального поощрения семьи, частичного высвобождения женщин от работы на производстве и т. д. Позиция различных социально-профессиональных и половозрастных групп в этом вопросе должна учитываться при формировании демографического сознания населения, в научно-просветительной пропаганде проблем народонаселения. Но главное, общественное мнение позволяет определить характер мер стимулирования рождаемости, предпочитаемых теми или иными слоями общества, сделать выводы

---

[1] См.: *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967, с. 18.

ника. Однако практически отсутствуют какие-либо предложения, эксперименты, связанные с попытками задать желаемое с точки зрения общества направление дальнейшего развития этих тенденций. Так, достаточно много говорится о противоречиях ролей, которые играет женщина — труженица и мать, но как мало в литературе данных о том, каковы типичные и редко встречающиеся способы преодоления этих противоречий со стороны семьи в целом или женщины, каковы перспективные и менее ущербные для личности и общества формы разрешения конфликта ролей. Зафиксированы также мотивы ограничения числа детей в семье, теперь важно исследовать факторы, предопределяющие эти мотивы. На сегодня выявлены основные тенденции проявления репродуктивной установки, теперь пора бы искать ее истоки, определить динамику развития в истории жизни личности, методы изменения установки и т. д.

7. Непременным условием концептуального осмысления социально-психологических факторов рождаемости должна быть проверка выдвигаемых гипотез.

Возможно, эта проверка сведется к подкреплению мнениями различных слоев общества, или наблюдению, или практическому доказательству высказанных предложений. Социальный эксперимент, включающий осуществление демографической политики в конкретном регионе, городе,—кульминация в деле проверки подобных гипотез. Итогом этих изысканий должна стать поэтапно разработанная демографическая политика.

Таким образом, были высказаны некоторые пожелания в адрес социально-психологических исследований, проводимых в контексте репродуктивного поведения. Выдвинутые условия отнюдь не умаляют значения уже имеющейся информации на этот счет. Ее достоинства трудно переоценить—это тот первичный строительный материал, без которого невозможны новые шаги вперед, смелые гипотезы, а следовательно, немыслим научный прогресс в области проблем народонаселения.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Виктор Васильевич Бойко

МАЛОДЕТНАЯ СЕМЬЯ

(Социально-психологическое исследование)

Рецензент *В. А. Сысенко*
Зав. редакцией *В. П. Томин*
Редактор *И. М. Кирсанова*
Мл. редактор *Е. М. Рудый*
Корректоры *Г. В. Хлопцева, В. Г. Крылова*
Техн. редактор *К. К. Букалова*
Худ. редактор *Э. А. Смирнов*

ИБ № 891

Сдано в набор 21.12.79 г. Подписано к печати 29.01.80 г. Формат бумаги 84×108[1]/32. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная», Печать высокая. Объем 7,25 печ. л. Уч.-изд. л. 12,74. Усл. п. л. 12,18. Тираж 15 000 экз. А 07775. Заказ № 1544.
Цена 80 коп.

Издательство **«Статистика»**, Москва, ул. Кирова, 39.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Ивановского облисполкома,
г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.